

В. П. СЫСОВЕВ
**ХОЗЯИН
МАЛОГО
ХИНГАНА**

Медведь в жизни человека

Вместо предисловия

Много-много тысячелетий назад поверхность Земли выглядела иначе, чем теперь. Теплые периоды сменялись похолоданиями, когда громадные пространства суши сковывал ледяной покров. В приледниковых степях и лесах тогда обитали холодолюбивые животные — мамонты, шерстистые носороги, олени и другие. В этот фаунистический комплекс входил и пещерный медведь. То был огромный зверь. Природа наделила его большой силой, крепкими клыками и длинными когтями. Свои берлоги медведи устраивали в сухих пещерах. Здесь у них появлялось потомство.

Охота на пещерного великана была нелегкой и очень опасной, но имела важное значение для первобытного человека: она давала ему жирное мясо и теплую, прочную шкуру. Разъяренный зверь нередко калечил и убивал своего преследователя, вооруженного лишь деревянным копьём и камнем. Но после удачной охоты по нескольку дней продолжалось пиршество. Иногда оно устраивалось в той же пещере, где был добыт медведь. Возможно, именно тогда и зародились зачатки обрядов, связанных с поклонением «духу медведя» у различных охотничьих племен. При этом, надо полагать, воздавалась дань особого уважения голове зверя. Люди верили в бессмертие медведя и в то, что голова его видит и слышит танцы и заклинания жреца, украшенного ожерельем из медвежьих когтей и клыков. После магического ритуала задобренный дух медведя не сердился на охотников, не пытался им мстить. Можно было снова смело идти на охоту.

Люди регулярно посещали наиболее просторные и сухие пещеры, подолгу жили в этих убежищах, а некоторые из пещер становились для них своеобразными

храмами. Художники каменного века рисовали на стенах изображения медведя и других зверей, сцены охоты на них, вырезали из дерева и бивня мамонта медвежьи фигурки, поклонялись им. Медвежьи черепа, прикрепленные к шестам, охраняли вход в пещеру. Так в глубокой древности зародился культ медведя, сохранившийся у некоторых народностей Дальнего Востока и Севера и до наших дней.

Давно уже исчезли с лица Земли пещерные медведи, а человек в течение многих тысячелетий ведет успешную охоту на его родственника — бурого медведя. Когда-то зверь этот водился во всех лесах Европы, теперь в ряде стран его совсем не встретишь, а у нас в Сибири и на Дальнем Востоке племя топтыгина прекрасно сохранилось.

Бурый медведь превосходит всех зверей нашего отечества силой и ловкостью, умом и сообразительностью. Вместе с тем он отличается весьма переменчивым нравом: может быть и добродушным, и коварным, может в одних ситуациях проявлять смелость, а в других — трусость. Этот гурман предпочитает вегетарианскую пищу, но способен питаться мясом зверей и рыбой. Можно назвать его отшельником глухих безлюдных лесов, но и встретиться с ним в окрестностях городов и поселков — вовсе не диво. Хотя он — типичный лесной зверь, однако легко приспосабливается к обитанию в тундре и скалистых горах, в степи и пустыне.

Встретившись с человеком, медведь, как правило, в паническом страхе убегает. Кто не слышал о «медвежьей болезни», приключаящейся с ним в момент неожиданного столкновения! И все же время от времени разыгрываются трагедии при таких встречах. Неимоверная сила и удивительная ловкость медведя делают охоту на него опасной и требуют от охотника выдержки и умения хорошо владеть оружием. Известно, что наш гениальный писатель Л. Н. Толстой тоже побывал в медвежьих объятиях.

Бурый медведь — наш национальный зверь. Испокон веков на Руси охотились на него. Сперва добывали его с помощью рогатины — копия с ограничителем на древке, меча, лука. Ловили тяжелыми бревенчатыми ловушками — кулемами, защемлявшими лапу или шею зверю. Добыть медведя с холодным оружием можно было только на берлоге. Выход из логова — чело — заваливали

жердями, а когда хозяин берлоги с трудом вылезал из залома, его кололи в голову или шею. Но горе было охотнику, если зверь успевал выбраться из своего убежища без помех, невредимым и подмять под себя человека. И все же находились смельчаки, ходившие на медведя в одиночку. Этот вид охоты не забыт на Дальнем Востоке, хотя поединки со зверем с одной лишь гидой (рогатиной) в руках теперь очень редки. По преданию, сороковой медведь для охотника является роковым, промыслять его было крайне опасно.

Появившееся огнестрельное оружие и капканы сделали охоту на медведя менее опасной и более разнообразной: летом — на овсах и приваде, зимой — по следам, вдогонку.

Много тысяч медведей добывалось на Руси. Медвежье мясо и сало ценились дороже свиного. В Москве в лавках Охотного ряда, на удивление иностранцам, висели копченые медвежьи колбасы и окорока. Медвежье сало, отличавшееся особо нежным вкусом, пользовалось славой целебного. Высоко ценилась медвежья желчь, за которую на Дальнем Востоке отдавали двух соболей. В старину наши предки были неумеренными в еде, на праздниках нередко объедались, и от «несварения желудка» хорошо помогала медвежья желчь.

Многодневная езда в санях по трудным дорогам России в морозную ветреную погоду заставляла людей делать одежду из медвежьих шкур. Медвежьи шапки, шубы и дохи славилась теплотой и прочностью. Сани выстилались медвежьими шкурами, а седоки укутывали свои ноги так называемыми полостями — особыми покрывалами из медвежьих шкур с застежками. В таких санях любой мороз не страшен!

Но не только материальная выгода вызывала у человека интерес к медведю. Зверь этот выгодно отличается от многих животных своими умственными способностями, быстрой сообразительностью и умением ходить на задних лапах. А комическая неуклюжесть в движениях, сочетающаяся с поразительной ловкостью и добродушием, невольно вызывает смех у каждого наблюдающего за ним. С глубокой старины топтыгин потешает людей на ярмарках, в городах и селах. С ручными медведями бродили по Руси мужики-поводыри. Не обходились без лохматых «артистов» и цыгане. Грозный зверь становился участником веселых потех, скоморохом.

Иногда мишке выпадала печальная роль экзекутора — палача. У некоторых царей и помещиков медведь содержался на цепи в специальном помещении, куда вталкивали обреченного или провинившегося, а то и просто ради забавы.

Развивавшаяся ружейная охота требовала помощника промысловика. Им стала лайка-медвежатница, а натаскивалась она тоже с помощью медведя — невольника, разумеется.

В наше время мы начинаем знакомиться с медведем в раннем детстве. Любим игрушечного медвежонка. Почти в каждой сказке встречаемся с этим добродушным увальнем, и складывается у нас впечатление о нем как о звере добром, неуклюжем, потешном, хотя и сильным. Все это так, но следует помнить, что старый, худой, больной медведь опасен для человека. Изредка он нападает на домашний скот, ценных охотничьих животных, местами вытаптывает посеы овса, а то разграбит пасеку либо таежную базу геологов. Но все его вредоносные поступки окупаются деликатесами и роскошной шкурой, а также эстетическим наслаждением, которое испытывает человек на спортивной охоте за медведем.

Трудно представить себе русский лес без медведя! Могучего телосложения, в красивой серебристо-коричневой шубе, с уверенной поступью, Михаил Потапыч, как ласково называют его в народе, производит на каждого человека впечатление истинного "хозяина тайги".

Художники и скульпторы, народные умельцы и кинематографисты в своем творчестве неизменно обращаются к медведю, потому что он - сила и красота, слава и гордость русского леса! Мишка был талисманом Олимпиады-80. Он вошел в геральдику: на гербах многих городов России мы видим изображение медведя. О медведе написано много книг.

СТО ВСТРЕЧ С МЕДВЕДЯМИ

ОЧЕРК

Пятьдесят лет увлекался я охотой на медведей. Более ста раз довелось встретиться с ними. Многие встречи позабылись, но некоторые сохранились в памяти отчетливо, со всеми деталями и переживаниями. По сравнению с камчатским охотником С. Ушаковым, добывшим за свою жизнь семьсот медведей, мои трофеи значительно скромнее.

Начал я охотиться на медведей, будучи студентом Московского института пушно-мехового хозяйства. В 1936 году я проходил практику в Архангельской области в деревушке Турчасово, что стоит на Онеге. В ту пору железной дороги со станции Обозерская на Онегу не было. Жил я на квартире одинокой старушки, все богатство которой состояло в одной корове, ходившей на пастбище в общем деревенском стаде. Однажды Зорька не вернулась в свой хлев, а через два дня стало известно, что коровенку задрал медведь. Горько плакала хозяйка. Захотелось мне наказать убийцу. Разыскал я охотника, нашедшего место гибели Зорьки, упросил отвести меня туда.

На второй день мы направились в лес. Большой луг, местами поросший молодым березнячком, подходил к старому замшелому ельнику. По берегам маленькой речушки, протекавшей в лесу, росла густая сочная трава. Она-то и привлекла Зорьку. Отбившись от стада, зашла коровенка в ельник, тут и надел на нее медведь.

Приведший меня охотник не стал близко подходить к лежащей на земле корове. Бок ее, изодранный когтями, едва виднелся из-под еловых ветвей, которыми медведь накрыл свою добычу. Узнав, что я решил караулить медведя, охотник ушел, оставив меня одного.

Близился вечер. Предстояло выбрать место засады. Хотелось залезть на дерево, но деревьев с толстыми низкими сучьями поблизости не было. Внимательно осматривая местность, я заметил поваленную ветром высокую ель. При своем падении ель вывернула огромный пласт земли и зацепилась ветвями за другие деревья. Сама природа смастерила мне хорошую засаду. Взобравшись на полуповаленную ель, я прошел по ней, как по мосту, к густой вершине и присел на ствол. От моей сидьбы до земли было добрых три метра. С такой высоты я видел укрытую тушу, но хорошо просматривать землю вокруг мешали деревья. Медленно сгущались сумерки. Притихший днем лес стал наполняться шорохами, криками усаживающихся на ночлег птиц. Иногда мне чудилось, что по ельнику бредет медведь, и я замирал в ожидании его появления. Чем непрогляднее становился ночной мрак, тем тише было в лесу. Казалось, все вокруг погрузилось в сон. Воздух напитывался влагой, явственнее чувствовался запах еловой смолы, сладковатой прелости.

Если бы в эти ночные часы и пришел медведь, то я, конечно, не рассмотрел бы его и он скрылся бы невредимым. Но медведь не приходил. Одолевали сомнения: может, напрасно жду? Я готов был уже удалиться, да крошечная тьма не позволяла. Длинной показалась мне та короткая летняя ночь! Но вот снова зашелкал дрозд, кто-то зашуршал жухлой листвой. Из темноты стали проступать стволы деревьев. Опять все стихло, и в этот момент большое, бесформенное темное пятно проплыло между просветлевшими стволами деревьев, не издав ни единого звука. «Медведь!»-- пронеслось в голове. Чтобы не шелкнуть курками, поднимаю их, нажимая одновременно на спусковые крючки. Сильно забившееся сердце с шумом отдавалось в барабанных перепонках. Казалось, медведь услышит этот шум и убежит. Я был убежденным атеистом, но в этот момент пламенно умолял бога заставить зверя повернуться ко мне боком для верного выстрела. Медведь долго стоял без движений поодаль от своей жертвы, приносясь и прислушиваясь. Так долго, что у меня онемели пальцы, а стволы елей, между которыми я всматривался в неясные очертания пришельца — задвоились. Вдруг медведь рявкнул и, круто развернувшись, бросился в ту сторону, откуда появился. Мгновенно вскинув двустволку, я выстрелил.

Облако порохового дыма надолго окутало просыпающийся лес. После грохота выстрелов наступила звенящая тишина. Слезать с ели я не решался. «Неужели ушел? А может, ранен?»— раздумывал я, перезаряжая двустволку и с нетерпением ожидая полного рассвета. Первые лучи солнца скользнули по вершинам елей. Осторожно слезаю на землю, подхожу к месту, где стоял медведь. Вот взъерошенный его лапами мох, на стволах кровавые брызги. Идти дальше опасно. Поворачиваю назад и бегу в деревню.

Солнце поднялось в зенит, когда мы с охотником, прихватив двух лаек, прикатили к лесной опушке на телеге. Привязав лошадь и пустив вперед собак, пошли по следу. Вскоре послышался лай. Это собаки извещали нас об удачной охоте на моего первого медведя.

К медвежьей туше жители деревушки отнеслись по-разному. Одни с брезгливостью отказывались от медвежьего мяса, другие хвалили угощение. Моя хозяйка, обрадованная тем, что в ее распоряжение поступал весь

медведь, начистила большой чугунок картофеля, положив сверху добрый кусок жирной медвежатины, и поставила в русскую печь. К вечеру на нашем столе дымилось ароматное тушеное мясо.

Так я впервые попробовал медвежатину. Была она действительно очень вкусной, и хотя я съел приличную порцию ее, тяжести «на животе» не испытывал. Почему же люди по-разному оценивают медвежье мясо? На этот вопрос я смогу ответить только теперь, когда перепробовал его в большом количестве.

Мясо молодого медведя, заедавшегося на желудях и орехах лещины, обладает высокими гастрономическими достоинствами — это деликатес. Сало у таких мишек бело-розовое, плотное, нежное и очень вкусное. Косолапые, жировавшие на кедровых орешках, менее вкусны, сало у них с желтизной, жидковатое, быстро прогоркающее. А вот у дальневосточных медведей, посещающих нерестилища, мясо отдает ворванью и пахнет как у тюленя — рыбой.

Однажды я убил медведя, мясо и сало которого были настолько горькими, что их нельзя было есть. Этот зверина долгое время поедал ягоды черемухи Маака. Вкус мяса определяется в первую очередь составом пищи, но также оказывают свое влияние возраст, пол и состояние здоровья хищника. Старых исхудалых шатунов охотники считают несъедобными.

Окончив институт, я прибыл на Дальний Восток и работал на трассе довоенного БАМа Ургал - Комсомольск. Линия прокладывалась по долине живописнейшей реки Амгуни. Светлоструйная, шумящая на перекатах Амгунь каждую осень наполнялась морским лососем — кетой, приходившей сюда на нерест. В тридцатых годах этой рыбы было очень много, и хватало ее и людям, и зверям. Строители БАМа засаливали рыбу в земляных ямах, выстланных брезентом. Как-то рыбаки рассказали мне, что на Гербинской протоке они ловят кету вместе с медведями: они — днем, а медведи — ночью. «А что, если поохотиться на мохнатого рыболова?» — подумал я. Па такой охоте я никогда не бывал, но слышал, что медведи на нерестилищах очень пугливы, и если человек потоптался по берегу, то косолапый не придет на это место, а если и придет, то сразу убежит и рыбачить не станет.

Выбрав лунную тихую ночь, вооружившись караби-

ном, плыву на бате (долбленая лодка) Гербинской протокой. Впереди пережат — каменистое мелководье, на котором с рокотом рябится вода. Когда-то паводок притащил сюда толстый старый тополь, он зацепился корнями за дно, развернулся вдоль течения, а когда вода спала, обнажился и обсох. Цвет у него — как у моего брата. Подплываю к тополи и привязываю лодку к суку. «Вот тут и будем караулить, а пока попробуем соснуть», — с этими мыслями я растянулся на дне лодки, устланной корой чозения, накрылся меховым одеялом и положил рядом с собой заряженный карабин.

День, проведенный в напряженной работе, требовал отдыха. Убаюканный монотонным журчанием струй, я вскоре блаженно уснул и проспал бы до следующего дня, если бы не громкие «мокрые» шлепки. Словно кто-то бил плашмя доской по поверхности воды. Приподнявшись, я насторожился. Полная луна помогала утреннему рассвету, и берега реки с подступающим к ним лесом хорошо просматривались. Вглядываясь в пережат. Время от времени на нем появляются темные спины нескольких больших рыб. Подходя к пережату, они отстаиваются, как бы набирая сил, а потом с разгона устремляются на мелководье. Змееподобно изгибаясь, отчаянно работая хвостами, рыбы быстро переползают пережат, а через какие-то мгновения их спины снова погружаются в глубину реки. Долго наблюдая за этими странниками, я думаю о силе великого инстинкта продления жизни на Земле. С каким упорством стремятся холоднокровные животные к своим могилам, не зная об этом! По прежде чем умереть, они позаботятся о воспроизведении своего потомства: отложат икру.

Зачем мешать природе совершать извечный круг жизни и смерти? И я с уважением смотрю на больших темных рыб с загнутыми зубастыми челюстями, боясь напугать их. Но вот я замечаю, как от противоположного берега отделился темный предмет. Это к реке бредет медведь. Подходя к ивовому кусту, подмытому водой, он останавливается. Как опытный рыбак, он знает, что нельзя торчать на виду: рыба хорошо видит и не пойдет на пережат.

Над рекой легкой прозрачной дымкой проносятся клочки тумана. Река словно парит на охлажденном осеннем воздухе. Медведь видит ползущих через пережат

кетин, но не решается сразу напасть на них: он должен убедиться, что ему никто не мешает рыбачить. Он знает, что к перекату приходят люди.

С каким восхищением рассматриваю я медведя! В предрассветной дымке он кажется мне черным. Движения его не лишены легкости. Он несет свое тело на могучих широких лапах плавно и бесшумно. Вот, выждав удобный случай, когда четыре кетины достигли середины переката, медведь бросился им наперерез. В три прыжка он настиг извивающихся рыб и сильными ударами передней лапы оглушил одну из них. Затем схватил ее зубами за голову, понес в лес. Я так засмотрелся на медведя, что забыл про карабин. Больше медведь не выходил на перекат.

Охотился я как-то в истоках реки Лефу (ныне Илестая). Стояли тихие солнечные дни ноября. Рыхлый снежок к полудню на солнцепеке подтаивал, но по ночам основательно подмораживало, горные речушки затягивало льдом. Еще до революции в этих лесах лесорубы выбрали толстомерный кедр и ушли, оставив много дорог. Они заросли ольхой, черемухой и служили нам хорошими охотничьими тропами. Была со мной верховая лошадь. Ни сена, ни овса в лесу она не видела, питалась исключительно зимующим хвощом и хорошо па нем поправилась, стала округлой, с лоснящейся шерстью. На ней я проводил далекие рекогносцировки, определял запасы копытных зверей. Кабанов и изюбров Звездочка не боялась, но по свежим медвежьим следам ходила неохотно. Бывало, я еще и следов не вижу, а она храпит, пятится; стало быть, где-то близко медведь прошел. В тот день я отъехал от охотничьей избушки на десяток километров. Места пошли открытые, поросшие редким дубняком, куда часто навевались табуны кабанов. Вдруг моя лошадь остановилась как вкопанная. Подняла уши кверху, похрапывает - не иначе как зверя почуяла. Лошади очень чутысты и зверя обнаруживают, как правило, первыми. Я попробовал успокоить Звездочку и, ласково похлопав ее по шее, стал посылать вперед, но лошадь не шла. Пришлось спешиться. Звездочка была охотничьей лошадью, она могла спокойно ожидать хозяина в том месте, где ее привязали, и если случалось ей отвязаться, то паслась на хвощах поблизости и к избушке не убегала. Для охотника такое животное - ценный помощник.

Привязываю лошадь, а сам иду в том направлении, куда так встревоженно смотрела Звездочка. Не прошел и сотни шагов — маховой след крупного медведя. «Вот досада — напугал топтыгина. Что же он тут делал?» Размышляя, иду в пяту зверя. Прошел так около полукилометра, а медведь все идет на махах. «Выходит, не я его напугал». Вспомнилось, что в районе Каменушки отсюда тянулся след, охотилась бригада Позднякова. Видать, это они выжили из берлоги ее хозяина, а убить не смогли. Поворачиваю обратно, иду по следу уже в направлении, взятом медведем. Хочется удостовериться, не ранен ли он. Маховые следы становятся все короче и короче. Мишка переходит па шаг. Округлые вмятины в снегу без отпечатков когтей — верный признак, что зверь хорошо упитан. У охотника мало шансов догнать напуганного медведя, да еще если по нему стреляли, но я не бросал следа. Сперва косолапый, словно по компасу, шел прямо на восток. Выйдя на старую кабарожью тропу, свернул на нее. Идти по траве было легко и бесшумно, я прибавил шагу. Толстые стволы стоящих у тропы кедров вымазаны грязью, кора на них местами повреждена кабаньими клыками. Это секачи терлись боками о деревья — значит, поблизости есть «купалища». Вскоре моя догадка подтвердилась: впереди — небольшая лужа, промерзшая до земли, но почему-то лед на ней взломан и перевернут.

Иду дальше, кедрач становится гуще. Резкий треск ломаемого льда останавливает меня. Прислушиваюсь. Скрежет льдин и сопение зверя. «Медведь! Но что он тут делает?» Осторожно, на цыпочках, перебегаю от кедров к кедру, сняв с предохранителя карабин. «Лишь бы не одушить», — мелькает в голове мысль. Вот уж где-то близко. Выглядываю из-за ствола кедров. На прогалине, в глубоком кабаньем куналище, расчищенном ото льда, лежит медведь. Видать, сильно распалил его многокилометровый бег, что он так долго, с наслаждением принимает холодную ванну. Прицеливаюсь. Но где убойное место? Медведь ворочается. Стрелять просто по туше — нельзя. Первый выстрел должен быть максимально точным. Я всегда придерживался этого правила на серьезных охотах. Прильнув к прикладу, пытаюсь свистнуть. Из замерзших губ раздается не свист, а слабое шипение, но медведь мгновенно выскакивает из купалища и застывает в напряженной позе. Хорошо видно,

как вода тонкими струйками стекает с него на снег. Еще мгновение — и медведь, ухнув, скроется с глаз. Но мне нужно еще меньше времени, чтобы нажать спусковой крючок, подведя мушку под лопатку стоящего боком хищника.

Как приятен грохот выстрела, когда ты стреляешь уверенно, как сладостен запах бездымного пороха охотнику!

Грозно рявкнув, медведь разворачивается, пытается бежать мне навстречу, но падает. Гремит второй выстрел. Охота окончена. Спустя час, заложив лапником добычу, возвращаюсь к Звездочке. Черная ворона уже кружится надо мной. Поразительно чутье этих птиц: они первыми узнают об успехе охотника и торопятся разыскать себе поживу. Звездочка встречает меня громким похрапыванием, она внимательно оглядывает хозяина, словно к ней подходит зверь, и только обнюхав и успокоившись, позволяет вскочить в седло.

Встретившись с Поздняковым в конце зимы, я узнал, что незнакомые охотники пригнали на их участок медведя. Поздняков, взяв утром след, шел за ним до обеда. Вечером он слышал два моих выстрела и решил, что топыгин вышел на третьего охотника и, возможно, убит.

Большинстве людей полагают, будто медведь устраивает свою берлогу в глухих лесных чащобах, в которых человек не появляется. Мне известно много исключений из этого правила. Однажды медведь залег в окрестностях Хабаровска, у самой дороги. Охотник В. И. Иванов ездил на берлогу с маленькой своей дочкой на легковой машине. Ложатся у нас на зиму медведи и на релках широкой амурской поймы. Здесь много сухой травы, а ивовые заросли столь густы, что человеку не пройти. Обмелевший к зиме Амур не знает весеннего половодья, но зато летом так широко разливается, что затапливает все сенокосные луга, принося большие бедствия человеку.

В тот год разлив Амура держался долго, и мы с приятелем, выехав на моторной лодке к открытию охоты на уток, долго не могли найти удобного места для табора. Как опытные охотники, мы знали, что в большую воду, равно как и в малую, охота на водоплавающую дичь не бывает удачной. Но, засидевшись в городе, мы рады были вырваться на амурские просторы, сварить где-либо на косе похлебку из утки, а не убьем утку,

так поймаем знатного амурского карася, который и в большую воду хорошо ловится между травянистых кочек в тупиках узких заливов. Захватил я с собой и фотоаппарат, но снимать пока было нечего.

Плывем по разливу около подтопленных стогов, каждый о своем думает. Жужжание мотора мешает разговаривать. Смотрю на приближающийся стог с сидящей на вершине вороной. «Почему же она не улетает и так близко подпускает нас?» Но когда лодка поравнялась со стогом, мы оба замерли: ворона неожиданно превратилась в медведя. Закопавшись в сено, медведь выставил наружу одну голову, ее-то мы и приняли за ворону. Приятель выключил мотор, но лодку по инерции отнесло от стога. Первая мысль, мелькнувшая в голове каждого из нас: «Хорошо бы застрелить медведя. Вот это был бы неожиданный трофей! Но как?» У нас не было пуль. Ведь мы поехали за утками, все наши патроны заряжены дробью. «Можно дробь завернуть в тряпочку, и тогда она летит пулей»,— предложил приятель, но я не решался. Летит такая дробь пулей на близкое расстояние, следовательно, надо стрелять в упор. На лодке это делать было опасно.

Пока мы совещались, медведь зашевелился. Понимая, что мы его обнаружили, он хотел покинуть стог, но, видимо, колебался: ведь вокруг простиралась водная гладь. И тут я вспомнил о фотоаппарате. Хороший снимок всегда дороже убитого медведя. Достая аппарат и прошу приятеля подойти на веслах к стогу хотя бы метров на десять. Положив на всякий случай рядом с собой заряженное ружье, он развернул лодку и стал тихо подгребать к стогу. Чем ближе мы продвигались к нему, тем нервнее вел себя медведь. Выбравшись во весь рост на вершину стога, он топтался на месте, не сводя с нас своих маленьких глаз. Навожу на него объектив и шелкаю затвором. То ли медведь был стреляный, то ли шелчок фотоаппарата принял за шелчок курка, но этого звука было достаточно, чтобы его охватил панический ужас. Он резко попятился, не удержался на вершине стога и бухнул в воду. Послышался сильный всплеск, и спустя некоторое время мы увидели уплывающего медведя. Догнать его на моторке и подойти на верный выстрел не составляло труда, но стрелять в мохнатого пловца было бессмысленно: убитый медведь сразу утонет. Так хоть пофотографируем! И мы понес-

лись за удаляющимся зверем. Плавает медведь отлично, хотя глубоко погружается в воду, выставляя наружу только свою огромную голову и часть шеи. Когда мы начали наступать мишку, он заурчал и несколько раз поворачивал голову в нашу сторону.

Я снова навел фотокамеру. Приятель заглушил мотор и на веслах двигался вслед за медведем, стараясь держаться на почтительном расстоянии. Так мы преследовали зверя до тех пор, пока его лапы не коснулись затопленной земли. Огромными прыжками, поднимая каскады брызг, понесся медведь в тальники, а я все шелкал и шелкал фотоаппаратом. И хотя мы в тот день не убили ни одной утки и не поймали ни одного карася, радости нашей не было предела. Мы, слабые люди, нагнали столько страха на этого могучего, грозного животного и воочию убедились в его трусости перед человеком.

Многие мои знакомые, в том числе и дрессировщики, просили привезти им медвежат. На охоте, особенно на берлогах, часто попадают медвежата, но они или чересчур маленькие, «грудные», и их трудно сохранить (питаются-то исключительно молоком), или же большие-годовалые, при этом очень злые. Такого медвежонка надо связать и посадить в прочную клетку. Для воспитания и приручения более всего подходят медвежата, пойманные ранним летом, но для этого нужно сильно напугать, а то и убить их мать, иначе брать их опасно. Охотиться на медведей летом мне приходилось очень редко, и то лишь в научных целях, или же на стервятников — особо опасных и вредных для человека медведей.

Я очень люблю диких животных, и в то же время долго охотился на них. А ведь во время охоты приходится умерщвлять их. Домашних животных, выращенных мною, я не могу убивать, не ем их мяса. И это не ханжество. Просто я привыкаю к домашнему животному, привязываюсь к нему, даже, если хотите, очеловечиваю его. Оно становится для меня словно членом семьи. Иное дело — животное дикое. Живым я вижу его издали и, не успев познакомиться, стреляю. А когда подхожу, передо мной уже не одушевленный предмет, а охотничий трофей. И я даже способен любоваться им.

Как-то привез я в Хабаровск двух хорошеньких игривых медвежат, которым было не более полугода. Моя соседка, по профессии биолог-охотовед, упростила подарить их ей. Отговаривал я ее долго, но она настояла на своем. Пришлось уступить. Поселились медвежата в городской квартире и первое время, пока знакомились с ней, вели себя сносно, потешая свою хозяйку. Однажды, уйдя на работу и оставив малышей в деревянной клетке, она вернулась в свою квартиру поздно и пришла в ужас. Выбравшиеся из клетки медвежата сорвали с окон занавески, стянули со стола скатерть и перебили посуду, испортили подушки и ковер. Сдернув с вешалки дорогое пальто, изодрали его в клочья. Пришлось срочно отдавать их на зообазу.

С зоологической базы медвежата с доверчивым и мягким характером обычно попадают к дрессировщикам, а со злобным, агрессивным — в зверинцы и зоопарки. Мои медвежата попали к известному дрессировщику Василию Калинину, который через десять лет приехал на гастроли в Хабаровск. Я с большим интересом отправился на представление. На манеж выходит огромный бурый медведь. Рядом Василий. Как он не похож на укротителя! Да он и не укротитель, а добрый хозяин и друг этого могучего зверя. Его учитель. Все их взаимоотношения построены не на страхе и боли, а на ласке и угощении лакомством. Медведю нравится кувыркаться, делать стойки, только в борьбе, даже в шутку, он не хочет поддаваться человеку. И Василий не требует этого от него. Пусть хоть на арене Потап (так зовут медведя) побеждает человека. Да это и естественно: он во много раз сильнее человека!

После представления Василий с гордостью показывает своего Потапа. Я спрашиваю, опасно ли работать с таким великаном.

— Он у меня добродушный, отвечает Василий, — к тому же хорошо закормлен, сердиться ему нет нужды. До одиннадцати лет все медведи работают хорошо, а затем начинают хандрить. Хоть и жалко, да приходится с ними расставаться, передавать в зоопарк. Все полагают, что медведицы более робки и податливы, а мне легче заниматься с самцами. В пору, когда самку влечет к самцу, она становится очень раздражительной и трудно управляемой. Вообще путь к сердцу каждого зверя лежит через желудок! Вот и я: подкармливаю Потапа

хлебом с молоком, сахаром, фруктами. Медведь по натуре гурман, сыр любит, нужно во время представления ему давать сыр. Словом, принцип в моей дрессуре не новый: хорошо работаешь - хорошо кормят, плохо работаешь - мало кормят. Зверь это понимает не хуже человека.

Пока мы беседуем, Потап мерно вышагивает вдоль железной решетки своей клетки и, словно соглашаясь с хозяином, качает сверху вниз головой. Он такой мирный и спокойный, что мне хочется погладить его, и я чуть было не просунул руку между толстыми прутьями клетки. Меня резко остановил Василий: «Не делайте этого! Это очень опасно. Я забыл сказать, что медведь — зверь коварный. Бывали случаи, когда в зоопарке он схватывал руку человека, протягивающего ему лакомство, и отрывал ее. Ведь Потап вас не знает!»

Я смотрю на этого могучего зверя и вспоминаю, как вез его маленьким беспомощным медвежонком. Каким он был потешным и незлобивым! Да, все звереныши забавны и очень игривы, и все же я осуждаю людей, которые для собственной потехи содержат их в неволе, полагая, будто делают доброе дело. Эти люди не задумываются над тем, что жизнь их питомцев оканчивается трагически. Они навсегда теряют способность к самостоятельной жизни в природе и даже возвращенные в свою родную среду идут к человеку, ищут с ним контактов. Человек же встречает их огнем и свинцом.

Потап красив и могуч, и для него тоже близится час разлуки с Василием: скоро с ним станет опасно работать, и отправится коротать свой век мохнатый «артист» в какой-нибудь зоопарк, где будет выпрашивать у зрителей конфеты.

Директор Зоологического музея МГУ профессор С. С. Туров обратился ко мне с просьбой прислать шкуру гималайского медведя с черепом для изготовления чучела. Дождавшись ноября, отправился я на реку Меца, что течет среди западных склонов Сихотэ-Алиня. Славятся те места густыми кедрами, излюбленными пристанищами белогрудых медведей в годы изобильного урожая орехов. В крохотной бревенчатой избушке, покрытой дерном, поджидал меня давнишний спутник по медвежьим охотам — зверобой Калашников. Охотились

мы с ним порознь, но если обнаруживали крепкие малодоступные берлоги, отправлялись на них вместе. Радостно ходить в лесу, в котором два года подряд задался урожай орехов. На каждом шагу следы каких-нибудь зверей. Калашников предпочитает охотиться за кабаном, мне же нужен медведь, и не какой-нибудь, а белогрудый.

Я люблю ходить по склонам сопок, поросших старыми кедром: подлесок развит слабо, склоны хорошо просматриваются. Следы, а то и самого «автора» отпечатков можно увидеть издали. Но зверь, как бы чувствуя это, не задерживается на открытых местах, уходит в чащобу. Поднимаюсь я как-то на сопку, гляжу — свежие кабаньи следы: небольшой табунчик переходит в соседний ключ. Захотелось догнать. Кабаны шли гуськом, оставляя после себя торную тропку, по ней идти было легче. Поторапливаюсь. Надеюсь, что табун остановится на кормежку и, как говорят охотники, начнет делать порытки. Долго я преследовал кабанов, след завел меня в заросли орешника с редко стоящими старыми липами. С трудом продираюсь сквозь кустарник. Ноги скользят на крутом спуске в распадок. Впереди толстая накренившаяся липа с низким обширным дуплом. Не берлога ли? Кабаньи следы ведут к самой липе. «Должны же были они учуять медведя, если бы он лежал в дупле», размышляю я и смело иду вперед. Но стоило поравняться с липой, как широкая когтистая черная лапа, мгновенно показавшаяся из дупла, описала полукруг, едва не задев мою голову, и скрылась. Только когти по дереву скребанули. Отпрянув со страхом в сторону, вскидываю карабин. Но в берлоге все замерло, словно и не было медведя.

Что было делать? Идти за Калашниковым или поднимать зверя? «Если медведь разглядел или почуял меня, он обязательно уйдет. Надо выманить его из берлоги». Не спуская мушки карабина с отверстия в стволе, я пячусь назад, обламывая мешающие мне ветки липы. Далеко отходить нельзя: кругом заросли, пуля может дать рикошет. Передвинув на поясе нож, беру в левую руку запасную обойму патронов и принимаю решение стрелять в дупло. Гром выстрела разрывает лесную тишину: пуля, ударившись в заднюю стенку ствола, поднимает облако пыли, и в то же время раздается грозное рычание. Едва я снова приложился к

карабину, как рассерженный медведь, до половины высунувшись из дупла, приготовился выскочить из берлоги. Посылаю в него одну за другой две пули, и зверь исчезает в черном отверстии. Постояв несколько минут наготове, досылаю в магазин карабина три новых патрона и, срезав ножом длинный ореховый прут, подхожу к липе. Осторожно сбоку просовываю прут в отверстие и, нащупав что-то мягкое, толкаю им. Никто не шевелится: «Значит, убит».

Теперь предстоит вытащить медведя. Если его не выпотрошить—за одну ночь скинет. Вырубаю толстый кол, расщепляю его на конце и, намотав на него длинную медвежью шерсть, подтягиваю зверя к краю дупла. Ухватившись за медвежий загривок, с трудом выволакиваю его голову, выправляю лапы, а затем, перебирая за шкуру спины, вытаскиваю его до половины. Медведь настолько жирен, что кажется, будто в шкуре заключен один жидкий жир: так легко, словно переливаясь через край дупла, вываливается наружу туша.

Удачная охота прибавляет силы, и я за час пробегаю расстояние, на преодоление которого затратил в начале дня втрое больше. Товарища моего в избушке нет. Подвесив к потолку для просушки медвежью желчь, растапливаю железную печку, поджариваю медвежье сало, варю гречневую кашу. Калашников пришел поздно. Не расспрашивая меня о подробностях моей удачной охоты, лаконично сообщил, что добыл чушку и на обратном пути нашел хорошую земляную берлогу бурого медведя, но подходить близко не стал, чтобы не одушить зверя. Легли пораньше, а утром, плотно позавтракав, направились к берлоге. Поднявшись по едва замерзшему ключу, перевалили на северный склон сопки. Здесь рос смешанный лес, в котором преобладали пихта и ребристая береза. Кормовые деревья - кедр, дуб и маньчжурский орех—отсутствовали, не было и лещины. Поэтому звери сюда на кормежку не заходили и не беспокоили спящего медведя. Шедший впереди Калашников остановился и показал мне рукой на крутой склон неглубокого оврага. Под корнями старой березы зияло темное большое отверстие, а рядом желтел бугор свежеегребенной земли. Это была берлога. Мне предстояло не спускать дула карабина с ее отверстия, пока Калашников вырубал толстую ясеневую жердь для заламывания берлоги. Затем осторожно подходим к логовищу.

Снимаю с предохранителя курок карабина (в любое время может показаться медведь!), занимаю удобное место для стрельбы. Калашников приближается к челу берлоги и, просунув в ее отверстие конец жерди, разворачивает его в сторону, как бы запирая выход из медвежьего убежища. Теперь вылезавшему медведю нужно преодолеть преграду, на что уйдет время и затратится усилие, Застрелить его в этот момент не представляло бы для меня трудности.

Медведь не проявлял признаков присутствия. Тогда Калашников засунул жердь в глубину берлоги — пусто! Обходим вокруг берлогу. Рядом с выкопанной землей под нависшим лапником молодой елки — вмятина. Здесь лежал медведь, когда стороной проходил Калашников. Увидев и услышав охотника, а потом и почуяв его запах, он убежал и теперь уж не вернется в эту берлогу. Это подтвердил медвежий след, уходивший на вершину сопки и пачкавший снег в желтый и черный цвет земли, прилипшей к его лапам. Огорченные неудачей, мы присели на поваленный кедр.

Вишь, как получается: кабан пройдет около берлоги - медведю нипочем, остается лежать, а человек пройдет — медведь уходит.

С этими словами Калашников стал разводить крохотный костер, чтобы вскипятить пару кружек горьковатого чая из снега.

Стоит ли описывать все встречи с медведями? О многих из них рассказано мной в ранее вышедших книгах. Остановлюсь на последней встрече, происшедшей в матайских лесах сравнительно недавно. Эти пышные леса, похожие на непальские джунгли, можно было бы называть медвежьим царством, если бы право на них не оспаривали тигры. Они еще не перевелись здесь и доныне. Да и как не жить тут зверю: кедры, дуб, маньчжурский орех, лещина дают прекрасный корм. Л сколько ягоды! Виноград и лимонник, актинидия и жимолость. Поляны, заросшие зимующим хвощом и кипреем. Есть и природные солонцы, и отстои для изюбра. Утолить голод и укрыться можно.

Я подготавливал к зиме свой сад, когда двадцать первого октября повалил снег. Обычно выпадающий в эту пору снег на среднем Сихотэ-Алине растаивает. Этот

же покрыл землю тридцатисантиметровым слоем и должен был пролежать всю зиму. Ранние снега застают врасплох не только людей. Быстро собравшись, лечу вертолетом на Долми. Начальник лесоучастка Дмитрий Егорович Берлев встречает радостно. Он в отпуске и готов сопровождать меня на охоте. По каменистой лесной дороге мы заехали в охотничью избушку, приютившуюся в истоках Долминки, и с первого же дня принялись разыскивать медведей.

Тяжелая снежная кухта пригибала ветви елей и пихт к самой земле, укрывала столообразные вершины кедров. При малейшем дуновении ветра она срывалась с деревьев, наполняя лес серебристым облаком сверкающих снежинок. Медвежьих следов было так много и направления их были так различны, что мы никак не могли решиться, за каким медведем идти. Остановившись на перекрестке трех различных следов, стали совещаться.

— За этим идти бесполезно,— заметил Берлев, показывая на крупный след бурого медведя.— Он уведет нас далеко. А вот этот, похоже, еще закармливается, видишь, снег разгребает, желудь ищет: ему еще рано ложиться. Пойдем за третьим, он хотя и меньше других, да, сдастся, ищет берлогу. Прошел рядом с кедровой шишкой и не поднял: выходит, заелся.

Я согласился с доводами спутника, и мы отправились по третьему следу. Скучно ходить по лесу, когда следов мало, но когда их чересчур много и вся земля испещрена ими, как около скотного двора, глаза разбегаются. Тут и след, по которому идешь, часто затапывается другими зверями, и ты теряешь его. Впрочем, сосредоточиваться только на одном следе нельзя: в любой момент где-либо в стороне можешь увидеть стоящего зверя. Поэтому идешь по следу, а сам по сторонам головой вертишь, зорко вглядываешься во все подозрительные предметы, темные пятна.

Долго шли по избранному следу. Медведя привлекали старые толстые деревья, гнилые пни. Он заглядывал под нависшие над крутяками корни кедров и лип. Зверь, видно было по всему, пришел в район, в котором есть места для зимних лежек. Подходим к небольшой речке, которую медведь переплыл, нам же предстояло сделать мост. Для этого Берлев выАрал высокую ольху, росшую на самом краю берега, и срубил ее. По сва-

лепному поперек реки стволу мы перешли. Время было обеденное, решили подкрепиться чайком и бутербродами. Маленький костерок из дымящих еловых сухих веточек быстро нагрел котелок с водой, и мы с наслаждением пьем чай, заваренный веточкой лианы лимонника.

Я рассматриваю легонькую одноствольную ижевку Берлева. Спрашиваю:

Твое ружьишко не для медвежьей охоты, нулей-то хоть заряжено?

— Хватит нам и твоего карабина, я же не на медведя собрался, на кабана. Спущу Бельчика, он мне кабанчика враз поставит, подходи хоть под самый хвост. Тут и ружья не надо: можно ножом зарезать.

Бельчик, привязанный к елке, одобрительно помахивает хвостом, словно понимает, что речь идет о его достоинствах.

Нам бы хоть одного медведика убить, а там и за кабаном походим, соглашаюсь я.

Много лет я проохотился в лесах Сихотэ-Алиня. За это время там поубавились в численности косули и кабарожки, харзы и тигры, кабаны и белки. Только медведей не стало меньше, их поголовье, кажется, даже возросло. Но впечатление это обманчиво. Редко увидишь теперь следы особо крупных экземпляров: не дают охотники заживаться зверю, достигать предельного возраста. В какой-то степени это хорошо. Старые медведи и тигры опасны для человека. В воспроизводстве поголовья они не участвуют. А то, что много пока следов молодых особей — это еще не доказательство увеличения численности данного вида. Порой животные просто мечутся в поисках корма и тихих мест, где бы их не тревожил человек. Вот и создается иллюзия благополучия в животном мире.

Передохнув, возобновляем преследование медведя. След заводит нас в густой пихтач. Кроны деревьев сомкнулись, но под пологом нет кустарников и подлеска, поэтому лес хорошо просматривается. Иду впереди, и чем больше проходит времени, тем меньше становится уверенности в успешной охоте. Собираюсь повернуть обратно, как вдруг впереди перед нами предстал, словно вырос мгновенно из-под земли, большой темно-бурый медведь. Он подобно чучелу спокойно стоял на одном месте без малейшего движения. Расстояние до зверя не превышало пятидесяти шагов. Как же могло случиться, что мы,

так близко подойдя, не заметили его ранее? Так бывает, когда зверь лежит на земле и, встревоженный звуком шагов приближающихся охотников, вскакивает на ноги и становится хорошо видимым.

Недолго длилось взаимное рассматривание. Сорвав зубами перчатку с руки, прикладываюсь к карабину и посылаю пулю в медвежью голову. Медведь приседает, будто кто-то колом ударил его по холке, и медленно разворачивается на месте. Посылаю вторую пулю. Медведь падает, лежит без движений. Все же подходить к нему опасно, поэтому стреляю третий раз. Медведь вскакивает и убегает. Беспорядочных два выстрела вдогонку - и все стихает. Пущенный по следу Бельчик своим спокойным лаем на одном месте оповещает нас о конце охоты.

Перебирая в памяти многие встречи с медведями, я чаще всего останавливаюсь на старом самце, с коим судьба меня сводила несколько раз и которого прозвал я удэгейским именем Мафа (в переводе на русский—старик). О его долгой жизни и удивительных столкновениях с охотниками и сложена повесть «Хозяин Малого Хингана».

ХОЗЯИН МАЛОГО ХИНГАНА

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Мафа

Ранняя теплая весна быстро согнала снег с южных склонов приамгуньских сопок. Холодные дожди не помешали цветению брусники и дуба. Ветви кедрового стланика опускались от обилия зеленовато-коричневых шишек. Все предвещало богатый урожай орехов, желудей, ягод, и как бы в ожидании скорого пиршества зверь и птица не покидали насиженных мест.

Сюда в разгар лета пришел с Малого Хингана Мафа. Это был бурый медведь— так ученые называют данный вид,— хотя длинная шерсть на нем имела чисто-черный цвет. Еще не истощились его жировые запасы от прошлого года, и он щеголял в пышной шубе, непривычной для лета. Огромная голова с широким лоснящимся лбом покоилась на еще более широкой шее. Поднявшись на задние лапы, он достигал двухметровой высоты. Длинные когти передних лап, придавая ему хищный вид, служили более грозным оружием, нежели крепкие оранжевые клыки, которые обнажались редко. Глядя, как легко и бесшумно пронесил он сквозь чашобу и буреломы свое полутонное тело, никто не стал бы называть его неуклюжим. Его маленькие, широко расставленные черные глаза почти не выражали душевного состояния. В них обычно светилось вопросительное благодушие. Когда он впадал в крайнее раздражение и даже шел яростной атакой на врага, его уши не прижимались к голове, как у всех хищников, что придавало коварство на вид добродушному силачу: трудно было судить о его истинных намерениях. Он был молчалив и лишь в исключительных случаях при нападении издавал громкий, потрясающий, короткий рев.

Утро застало Мафу пасущимся на прибрежном лугу. Он с удовольствием поедая молодой вейник и хвощ. Трава и сочные древесные побеги росли вокруг в изобилии. Над остроконечными грядами далеких голубоватожемчужных сопков, которые воспринимались как застывшие облака на горизонте, поднималось солнце. Оно освещало росистые прибрежные заросли кустарников и лиственницы. Гладкая поверхность реки, отражая небо, светилась нежной голубизной. В воздухе иногда пронесились парочки лебедей, мелких уток-клоктунов. К полудню по небу поплыли кучевые облака, от леса повеяло смолистым запахом, речная гладь засеребрилась от мелкой ряби.

Прячась от солнца, Мафа забрался в тень под низко свисавшие ветви ели, но здесь стали донимать его вездесущие комары и слепни. Тогда он поднялся на крутой склон сопки и, найдя у самого обрыва открытую полянку, хорошо продуваемую ветром, растянулся на ней. Но что-то мешало ему наслаждаться спокойствием ясного летнего дня. Переваливаясь с боку на бок, приминая траву, он прислушивался к звукам шумящего леса, при-

нюхивался к напоенному ароматами цветов и мяты воздуху. Человека поблизости не было, врагов среди обитателей леса он не имел. Что же тревожило его?

Приближалась пора брачной жизни, и его все больше охватывало внутреннее беспокойство. Повинуясь извечному зову природы, с наступлением сумерек Мафа отправился к истоку елового ключа. Идти берегом было легко, и он шел бесшумно. Лапы утопали во мху, кустарники не задевали за бока. Всю ночь брел медведь. Выходя на звериные тропы, он принюхивался к следам. Иногда присаживался под старыми елями, перелезал через буреломы. Полная луна освещала космы лишайников, опутавших ветви и стволы деревьев. Блистеры, словно покрытые лаком, листья брусники. Мафа устал, но его тянуло все дальше и дальше. Когда ключ кончился, медведь перевалил через водораздел и начал спускаться в широкую долину. Тут он обнаружил свежий след незнакомой медведицы.

Куда девалась усталость! Обнюхав след, Мафа трусцой побежал по нему, изредка останавливаясь и прислушиваясь. Занималась заря, а Мафа то шел, то снова бежал. Он не замечал высоких стеблей дудника, пропало желание выкапывать их толстые сладковатые корни. Сейчас Мафа не испытывал голода и только один раз напился холодной воды из крохотного ручейка.

Взошло солнце. Загорелись на концах листьев капельки росы, из долины тонкой белой лентой вился туман. Весело щебетали проснувшиеся синицы и поползали. Мафа вышел на обширную поляну. Среди высоких кочек росли кусты жимолости, усыпанные сизо-голубыми плодами. В другое время он непременно позавтракал бы прохладной ягодой, но свежий след медведицы неудержимо притягивал к себе.

Вдруг темный предмет привлек его внимание. Может, это обомшелый камень или пень обгоревшего дерева? Мафа замер на месте. Он не доверял своему зрению. Иногда коряжина казалась ему охотником, а бывало, что он близко подходил к человеку, приняв его за пень. Долго стоял Мафа, вглядываясь и принюхиваясь. Слабые струйки воздуха тянули вниз по ключу и донесли запах Мафы к медведице. Фыркнув, она поднялась на задние лапы. Мафа бросился было навстречу, но, не добежав, остановился в нерешительности. На почтительном расстоянии звери долго осматривали друг друга,

принюхивались, потом успокоились. Мафа несколько раз пытался ближе подойти к медведице, но та фыркала и отдалилась от него. Мафа останавливался. Тогда незнакомка сама шла к нему, явно заигрывая и приглашая следовать за ней. Она не смотрела прямо на своего спутника, делая вид, что ее интересуют лишь кусты. Но Мафа усмотрел в этом дружелюбное расположение своей избранницы и тоже стал срывать ягоды, медленно приближаясь к медведице. Вскоре они рядом брели по зарослям жимолости, утоляя напомнивший о себе голод. Насытившись, медведица затеяла игру с Мафой. Он превосходил весом и силой подругу, но поддавался ей, валился на спину, а она кусала его за ухо или хватала за лапу.

Отдохнув в прохладной тени до вечера, медведи снова вышли на поляну. Но их мирный ужин был прерван: неожиданно появился старый медведь. Мафа попытался увести медведицу в заросли, но путь ему преградил незнакомец. Уверенный в своей силе, Мафа первый напал на соперника. Обменявшись сильными ударами лап, медведи сцепились и покатались, ломая кусты, оглашая грозным ревом поляну. Несколько раз Мафе удалось вонзить свои острые клыки в загривок противника. Но невозможно было добраться до позвонков, густая шерсть забивала ему пасть. Медведи то расходились, то снова стремительно набрасывались друг на друга. Сокрушительные удары широких лап доставались обоим, да крепки медвежьи кости.

Пока шла борьба, медведица спряталась среди зарослей и оттуда некоторое время наблюдала за поединком, а потом ушла, не дожидаясь исхода. Утомленный схваткой старый медведь попытался покинуть поляну, но стоило непрошеному гостю показать спину — Мафа тут же, ловко набросившись на него, вцепился клыками в холку соперника. Придавленный тяжелой тушей, старый медведь повалился на землю, тщетно пытаясь освободиться. Напрягая остаток последних сил, ему наконец удалось вырваться из цепких объятий черного исполина и броситься наутек.

Победитель недолго гнался за ним, потом остановился и, повернув назад, побрел к медведице. Теперь по закону леса она должна была принадлежать ему. След медведицы привел к ручью и оборвался. Мафа заметался по берегу: сперва поднялся вверх по ключу к его

истокам, затем спустился вниз, но никак не мог найти след. Лишь перейдя на ту сторону, он наткнулся на место, откуда медведица углубилась в лесную чашу. Вскоре Мафа догнал свою подругу, и они побрели, не теряя друг друга из виду, к синюющим хребтам далеких сопок. Там не было изобилия кормов, но никто не нарушал покоя непроходимых дебрей. Начался проливной дождь, вода смывала запахи их следов.

Быстро катились дни брачного месяца. К его концу медведица так охладела к своему супругу, что стала все чаще наделять его увесистыми затрещинами. Вскоре Мафа потерял ее из виду. Казалось, как мог исчезнуть зверь в лесу, не оставив следа? Медведица умела это делать: она входила в ключ или речку и долго шла по воде, а выходила по камням или по валежине, встретившейся на берегу, и углублялась в заросли. Не след разыскать было очень трудно. Так поступила она и на этот раз.

Исчезновение медведицы не огорчило Мафу: от недоедания, потери крови в поединке и ревностного ухода он изрядно похудел, и теперь его больше занимали заботы о пище. В поисках ее он забрел как-то на голубичную поляну и стал жадно поедать ягоду. Насытившись ею, полакомился муравьями и развалился между кустов. Вскоре Мафа заметил, что сойки и кедровки перелетают в одном направлении. Инстинкт подсказал ему следовать за ними. Долго брел медведь. Подойдя к широкой Амгунн, он переплыл реку, взобрался на крутой высокий берег и полез на сопку, поросшую низким корявым дубняком. Обильный урожай желудей привлекал сюда птиц. Желуди пока еще не осыпались, и Мафа дожидался наступления этой поры, подкрепляясь корневищами дудника и луковичками сараны.

Коротко лето в Приамгунье. В конце августа заморозки посеребрили траву в горах, становилась сладковатой брусника, падал с дубов коричневый желудь. Мафа поедал его в невероятно большом количестве. От пресной и вязущей пищи его тянуло на кислое и сладкое. Тогда он поднимался в старые гари, поросшие брусничником. Ягоды было так много, что местами склоны сопок розовели на солнце. Как ни вкусна брусника, но от нее вскоре появлялась оскоми́на, и Мафа снова принимался за желуди. Ничто не мешало медведю нагуливать надежный запас на предстоящую долгую зиму.

В середине октября выпал снег. Крупные хлопья его облепили пушистой кухтой каждую веточку на стволах и каждую травинку на земле, превратив редкий лес в непроходимые заросли. Сонливое состояние одолело Мафу. В прошлом году он спокойно провел зиму в хорошей сухой берлоге, устроив ее под крутым косогором в корнях старой сосны. Мафа обладал прекрасной зрительной памятью и без труда отыскал ее. Обнюхав вход в свое зимнее жилище, он забрался в него, проверил крепость земляных стен и каменистого свода, потом на-таскал зубами свежей сухой осоки на подстилку, полежал на ней и, убедившись, что теперь в берлоге достаточно тепло, выбрался наружу. Неподалеку он устроил себе гнездо из лапника и улегся в нем. Чуткую дремоту его изредка нарушали крики воронов или треск лопающихся деревьев. Крепчавшие с каждым днем морозы покрыли его шерсть инеем, щипали за мочку носа.

Выпало несколько порош. Лежать на снегу даже очень зажившему медведю становилось неудобно. Надо было залезать в берлогу. Мафа встал, потянулся, прошел мимо берлоги. Забрался в чащу, покружил по ней, запутывая след. Потом, аккуратно ступая в свои следы, начал пятиться задом до поваленной ветром лиственницы, прыгнул на нее, прошелся по стволу, снова сделал прыжок в сторону, сдвоил свой след и, словно заяц, в три огромных прыжка очутился у самой берлоги. Залез в нее задом и, высунув наружу свою лобастую голову, успокоился. Теперь непрощенный гость будет замечен до того, как обнаружит берлогу.

Во время учета соболей молодой охотовед Реутов вышел на старый запорошенный след Мафы. Внимательно рассматривая вмятины на снегу, Реутов решил разыскать медведя. Долго кружил по склону сопки, распутывая медвежьи наброды. Осторожно продвигаясь среди зарослей и держа наготове карабин, он предвкушал скорую встречу со зверем. Но Мафа увидел его раньше - в тот момент, когда охотовед повернулся к нему спиной. Проворно выбравшись из берлоги, медведь зашел за ствол сосны и под ее прикрытием беззвучно скрылся в заснеженном лесу.

«Не залежался! с досадой подумал Реутов, осматривая только что покинутую медведем и с таким тру-

дом найденную им берлогу.- Не зря говорится: чем жирнее медведь, тем пугливее. Трудно к такому подойти на выстрел».

День и ночь шел Мафа. Поднявшись на высокую сопку, он облюбывал густые заросли стланика, залез под нависшие над землей его ветви, присыпанные снегом, и задремал. Холодным было новое пристанище, но спасала теплая шуба. Вскоре повалил густой снег, глубоко укрывший иод собой стланик и медведя под ним. Лишь в середине апреля вылез из-под снежного навеса Мафа. Позевывая и шурясь от ослепительного света, побрел он искать зеленую траву для очищения желудка.

Глава 2

Знакомство с человеком

Как ни щедра была прошлая осень на орехи и желуди, к весне ее дары были полностью истреблены бесчисленными полевками, бурундуками, белками, зимующими птицами. И лишь ягоды брусники и клюквы, сохранившись под снегом, напоминали о былом изобилии и служили для всех лесных обитателей прекрасным подспорьем, помогали пережить голодную весну. Но насытиться этим кормом было невозможно, и Мафа, постоянно чувствуя голод, искал чего-то более существенного. Так он набрел на лабаз с продуктами, устроенный геологами. Без труда залез он на деревянный настил, покрытый брезентом. Брезент полетел на землю, а за ним — мешки и ящики. Спустившись на землю, Мафа принялся пробовать незнакомые ему продукты. Первой попала в лапы банка со сгущенным молоком. Надкусив ее, он сразу оценил по достоинству содержимое. Опорожнив несколько таких банок за один присест, зверь два дня провалялся в кустах, блаженствуя от сытости. Покончив с лакомством, он принялся за овощные консервы. Зажимая передними лапами стеклянную банку, осторожно срывал зубами с нее железную крышку и съедал содержимое. Надолго хватило бы ему одному этих припасов, но пришлось поделиться с тощей медведицей, пришедшей к лабазу с двумя медвежатами. Крупа, сухое молоко, мука и макароны частично были съедены, частично рассыпаны и перемешаны с землей. За то время, пока медведи лакомились неожиданной находкой, снег

сошел даже в северных распадках, появилось много нежной сочной травы. Оттаявшая почва позволяла вырывать вкусные корневища борщевика. Теперь голод не мучил медведей.

Мафа часто выходил к лесным речкам. На их берегах травы росли особенно густо. Однажды, когда он пасся на прибрежной луговине, на реке показалась красная резиновая лодка. Это геологи, не найдя припасов на лабазе и проклиная медведей, спустились на базу. Они заметили медведя раньше, чем он обратил внимание на незнакомый предмет, бесшумно скользивший по воде.

Мгновенная резкая боль в плече заставила медведя вздрогнуть. И тут же звук выстрела долетел до его чуткого уха. Рывкнув и укусив себя за бок, Мафа тяжело прыжками понесся в заросли чозении. Вслед ему прогрохотало еще два выстрела. Потом все стихло.

Из причалившей к берегу лодки выпрыгнул человек в резиновых сапогах. Внимательно осмотрев место, где только что стоял медведь, немного прошелся с карабином в руках по кровавому следу и, не решаясь углубляться в лес, вернулся к лодке.

- Медведь ранен, а идти без собаки по чаще опасно. Ну, хоть проучили пакостника.—С этими словами он оттолкнул лодку. Подхваченная течением, она быстро заскользила по реке.

Сгоряча Мафа пробежал с километр, затем перешел на шаг. Пуля, пробив правое плечо, засела в мышцах. С каждым шагом боль в груди усиливалась, кровь, стекавшая тонкой струйкой по лапе, заполняла след. Убедившись, что его не преследуют, Мафа прилег и начал облизывать окровавленную шерсть. Пролежав до глубокой ночи, он с трудом поднялся и побрел дальше. Его тянуло в густой ельник. Там была мягкая моховая подстилка, прохлада, сумрак отпугивал назойливых мух, готовых отложить свои яйца даже в живое тело зверя. Сюда редко заходили человек и крупный зверь. Найдя укромное место, Мафа со стоном опустился на зеленый мох. Боль в плече усиливалась, и он то ложился, то подолгу сидел на задних лапах. Потекли длинные дни страданий от раны и голода. Мучила сильная жажда, и он, прихрамывая, направлялся к маленькому ключу. Словно в зимней спячке провалился Мафа целый месяц. В конце июля он вышел из ельника и принялся разыс-

кивать крапиву, вахту, пастушью сумку. Эти травы придавали ему силы, способствовали скорейшему заживлению раны.

На беду и год выдался бескормным. Нигде не мог найти Мафа в достатке орехов или желудей. К зиме он не только не набрал жиру, а еще больше отошал. В таком состоянии в берлоге не улежишь. Голод беспрестанно гнал медведя по заснеженному лесу в поисках пищи. С каким вниманием следил он теперь за птицами! Больше всего интересовали его вороны. Жадно прислушивался он к их крику, понимая его значение. Вороны предупреждали его об опасности, сообщали о месте нахождения зверей, наводили на пададь или подранка. Он пользовался их «услугами», а платил им неблагодарностью. Наведенный воронами на тушу погибшего животного, он не хотел ни с кем делиться мясом. После пиршества тщательно упрятывал остатки, закапывая их в снег, утрамбовывая и заваливая валежником и еловыми ветками.

Бродя по бескормной тайге, Мафа перестал бояться человеческого следа. Охотники оставляли ему внутренности лосей, в их ловушках, расставленных на пушных зверей, он находил очень вкусную приманку, которую ловко извлекал из капканов и кулёмок, не причиняя себе вреда. Маленькие кусочки мяса не насыщали, а только раздражали и без того сильный медвежий аппетит.

Случалось, что он находил оленей, добытых охотниками и припрятанных ими в лесу до вывозки. Вокруг захороненной под лапником оленьей туши охотники расставляли заостренные палочки, смазанные кровью, развешивали на шпагате пустые ружейные гильзы и цветные тряпочки. Многих обитателей леса пугали эти необычные предметы, только Мафа не обращал на них никакого внимания. Утолив голод мерзлым мясом, он перепрятывал его остатки так искусно, что люди не могли найти.

Как-то в еловый ключ, где жил Мафа, заглянули охотники за соболями. Поставив палатку, распрягли оленей и, подвесив им на шею ботала — жестяные банки с прикрепленными внутри на ремешках болтиками, ушли на лыжах разведать окрестности. Вечером они вернулись в палатку довольными: ключ был населен соболями, до начала весны не переловить. Решили оленей отвести на хорошее ягельное пастбище, а самим занять-

ся соболевкой. На ближайшей сопке, на полянах, между зарослями — повсюду встречался ягель — белесый кустистый лишайник, который охотники называли «оленьим мхом». Зимой для северного оленя это единственный и незаменимый корм. Как лошади любят овес, так и олень предпочитает ягель и даже из-под глубокого снега выкапывает его. Хорошие ягельники олени никогда не покидают.

Вот почему так удивились охотники, когда через несколько дней к их палатке прибежали два оленя. Подозревая что-то недоброе, запрягли они беглецов в нарту, прихватили карабины и направились к пастбищу, где, как и предполагали, обнаружили следы медведя.

Нелегко медведю зимой взять быстрого оленя. Мафа это хорошо знал. Поляны, на которых паслись олени, перемежались с зарослями кедрового стланика. В него-то и загнал испуганного оленя Мафа. Стремясь уйти от медведя, олень поскакал через придавленный снегом стланик. И тут же ноги его увязли: они провалились между веток. Олень завис на зарослях, попав в ловушку. Тут его и настиг медведь. Убив оленя одним ударом лапы, Мафа вытащил его из зарослей и уволок в редкий сосняк. Другие олени разбежались в разные стороны. Восстановив по следам картину печального происшествия, охотники решили сначала переловить разбежавшихся оленей, а уж потом наказать медведя.

Два дня ушло на поиски и отлов напуганных животных. Один из охотников остался стеречь оленей, а двое поехали верхом догонять шатуна.

Наевшись до отвала оленьятины, Мафа блаженствовал в чуткой дремоте, привалившись спиной к огромной сухой сосне. Как осторожно ни подкрадывались к нему спешившиеся охотники, он слышал их издали. Встав на задние лапы и убедившись, что слух его не обманул, медведь пустился наутек. Редкий, хорошо просматриваемый сосняк предательски выдал его. Охотники открыли пальбу. Запели рикошетившие пули. Едва зажившая рана мешала Мафе бежать быстро. Оставалось совсем немного до спасительной густой заросли молодого листовничника, когда десятиграммовая пуля прошила ему заднюю лапу. Споткнувшись, Мафа быстро восстановил прежний темп, хотя дальше ему пришлось скакать на трех лапах. Наступление ночи прервало преследование. Охотники вернулись к оленям, а Мафа, оставляя за со-

бой кровавый след, брел по непролазным чашобам до самого утра.

Днем его пытались догнать, но через очень уж густой лиственничник не удалось пробраться на оленях. Переночевав у ногды, охотники возвратились в палатку. По своему опыту они знали: раненый медведь не вернется к их табору и их оленям теперь не опасен. По окончании соболевки, уже весной, они рассказали охотоведу о появлении в их угодьях крупного шатуна, о его разбое, о том, что ранили его, а также о своем неудавшемся преследовании.

А для Мафы наступила еще более тяжелая пора: худой, израненный, он не мог ни лечь в берлогу, ни добывать себе пищу охотой. Оставалась одна надежда: набрести на падаль или на чужую добычу, которой можно завладеть. Зализав рану на лапе и отлежавшись на разрытой муравьиной куче, Мафа едва плелся по глубокому снегу, оставляя за собой снежную борозду. От голода и потерн крови он совсем ослаб, глаза его слезились на сильном ветру. Снег намерзал комьями между пальцев лап, и он скусывал их зубами. Иногда он валился на снег и подолгу оставался без движения. По-земка заметала его. Под снегом было тепло, но мучил голод. Прележав день-другой, медведь вылезал из сугроба и брел дальше. Проходя мимо сухого осинового пня, откусил он кусок трухляшки и съел его. Раскопав снег, он нашел зеленый безвкусный мох, долго разжевывал его, с трудом глотая.

Вдруг он услышал крик ворона, похожий на лай собаки. Мафа встрепенулся: этот крик предвещал спасение, потому что ворон обязательно должен был вывести к пище. Пошатываясь, Мафа побрел вслед за улетевшей черной птицей. Шел долго, прежде чем очутился на крутом обрывистом берегу большой незнакомой реки. Посередине русла, забитого ледяными торосами, сидели два ворона и что-то клевали. Мафа спустился к реке. При его приближении вороны с клекотом отлетели прочь, а между беспорядочно нагроможденных льдин серым пятном завиднелась лосиная шерсть и запахло сохатиной.

Медведь вышел к месту, где в начале зимы лось пытался перейти реку по неокрепшему льду и провалился. Долго бился в полынье могучий зверь, но выбраться на скользкий лед так и не смог. Морозы ско-

вали льдины, снег припорошил погибшего. Зоркий глаз высоко пролетавшего ворона заметил лося. Криком пригласил он на тризну своих собратьев.

Теперь Мафа был спасен. Поселившись пол крутым обрывом берега, заросшим тальником, он каждую ночь ходил на льдину подкрепляться мороженым мясом.

Начавшийся ледоход унес остатки большой лосиной туши. На склонах сопок обнажились полянки с не успевшей завянуть с осени зеленой травой. Теперь мороз и голод не угрожали жизни истощенного и ослабленного медведя. Подолгу грелся он иод лучами весеннего солнца, набивая живот сочными кореньями и стеблями.

Глава 3 Мохнатый рыболов

Еще спят зимним сном заснеженные вершины гор и покрытая толстым слоем льда Амгунь, а на южных склонах сопок начала хозяйничать весна. Освободились от снега солннопечные увалы, проснулись ключи, наполняя лес звуками журчащей воды. Потянуло пьянящим запахом прелых листьев и земли. На обмелевших протоках лед напитался водой. Распадаясь на отдельные продолговатые кристаллы, он медленно таял, обнажая под собой дно, все изрытое буграми. Это кета прошлой осенью нагребла ударами хвоста гальку над теми местами, куда выметывалась икра. Выполнив громадную работу во имя продолжения рода, она до самой смерти осталась охранять колыбель будущего потомства. И теперь тушки рыбин пестрели тут и там. Их не смыло водой, потому что дальневосточные реки не знают весеннего половодья. Вороны и орланы, хищные звери, жившие в прибрежных лесах, находили у протоки богатую пищу. Даже зайцы были не прочь погрызть лососину: сытный белковый корм в весеннюю пору необходим был и им.

Не случайно появился на нерестовой протоке и наш Мафа. Держался он здесь хозяином: бесцеремонно распугал воронью стаю и начал подбирать снулую рыбу. Одна из ворон, не испытывая страха перед медведем, неотлучно следовала за ним. Близко подлетая к Мафе, она усаживалась перед ним и ждала. Как только изо

рта «хозяина» падал лакомый кусочек, она тут же подсакивала и склевывала его. Мафа брал кетину зубами, отряхивал от песка и с удовольствием разгрызал ее, а горластая кумушка, потеряв терпение, готова была чуть не из-под носа медведя получить свою долю. Назойливость птицы начала раздражать Мафу, и он отмахивался от нее лапой так же, как это делает человек, отмахиваясь от мух. Однако жест этот ничуть не пугал ворону, и она не отстала от медведя до тех пор, пока он не насытился и не отправился на отдых в темный прибрежный ельник. Плотного и сытного завтрака хватило Мафе на несколько дней, когда он отсыпался после длительного перехода. Затем он снова вышел на протоку в поисках рыбы, а подкрепившись, вернулся в ельник, растянувшись на моховой подушке. Так продолжалось несколько дней. Мафа блаженствовал: гнуса не доставало, пищи в протоках предостаточно.

Но продолжаться так вечно не могло. Природа तोпила весну. Вскрывшаяся река затопила косы, унесла тушки лососей. Голодно стало на реке. Пришлось искать пищу на увалах, где выросли любимые им травы. Не проходил он мимо гнилых пней и толстых валежин. Раздирая их когтями, лакомился белыми жирными личинками жуков-дровосеков. Разгребал муравьиные кучи, поедая муравьев и их личинки. Однажды ему встретилось гнездо рябчиков на земле. С десяток яиц он съел вместе со скорлупой в один миг. Бодрствовал Мафа обычно по вечерам да на утренней заре, предпочитая отсыпаться днем и ночью. С наступлением лета корма прибавилось, а тут и голубика начала поспевать. Не зря у промысловиков она зовется медвежьей ягодой: любят ее медведи, издали приходят на голубичники.

Занималась утренняя заря. Косые лучи восходящего солнца, пронзив неподвижный воздух, зажгли искорками в каплях росы. Мафа брел по ягодной поляне. Вдруг издали он заметил медведицу. Присмотревшись и изучив запах, он узнал свою бывшую подругу. С радостью потянулся к ней, но медведица угрожающе рявкнула и повернулась к нему боком. В недоумении Мафа застыл на месте, ожидая от нее доброжелательного жеста. В это время из-за куста вывернулись два медвежонка. Словно меховые колобки подкатились они к Мафе, с любопытством рассмотрели его и стали заигрывать. Не испытывая к медвежатам отцовских чувств, он готов был

задать им трепку, однако быстрое и энергичное вмешательство медведицы остановило его. Она с такой яростью набросилась на бывшего супруга, что бедному Мафе пришлось спешно убираться вон. Побежавших было за ним медвежат мать заставила остановиться, издав характерное урчание, и повела в противоположную сторону. Присмирившие во время ссоры родителей малыши снова затеяли возню. Когда один, вырвавшись из объятий брата, попытался проворно взобраться на дерево, второй тут же стащил его за «штанишки» на землю, и борьба возобновилась. Утомившись, медвежата принялись разрывать муравейник, из-за которого вскоре рассорились, подрались и получили по легкому шлепку от матери, ревностно наблюдавшей за шалунами.

Заросли голубики простирались широко по листовничной мари, и Мафа, покинув место встречи с медведицей, уединился в зарослях кустарника. Много дней наедался он до отвала кисло-сладкой ягодой.

Проведя лето на ягодниках, Мафа направился в дубняки в надежде поживиться желудями, но их не оказалось. Тогда он забрался на высокую сопку, в царство непроходимого стланика, но и здесь было голодно: не уродились лакомые кедровые орешки. Пришлось, вернуться обратно в долину, к знакомым протокам, где весной он отъедался рыбой. Летний ход кеты закончился. Рыбы в этом году пришло на нерест мало, и Мафа жил впроголодь, питаясь в основном свидиной. Грозди белой ягоды свешивались порой к самой воде, так близко и густо по берегам рос этот краснокорый кустарник, издавали несколько напоминающий краснотал.

Позолотились листовницы, сбросила листву черемуха, покраснели ягоды шиповника. Берега реки начали оживать: пошла осенняя кета. К монотонному шуму воды на перекатах прибавились тяжелые всплески, частые шлепки рыбьих хвостов по водной глади. Стайки лососей с разгона преодолевали мелководье. Выставив из воды спины, изгибаясь всем телом, они быстро переползали перекаты и отмели, напоминая при этом больших ящериц. В тихих заводях не видно было дна, так плотно над ним стояла рыба. Немного отдохнув после тысячекилометрового пути, лососи приступали к таинству продления рода. Разбившись на небольшие стайки и парочки, они, найдя подходящее место, вырывали в галечном дне, богатом родниками, углубления, куда от-

кладывали крупную красную икру и тут же закрывали ее галькой.

Не успевала отнереститься первая партия лососей, как подходила вторая. Ей не было дела до того, что здесь на дне уже покоится икра. Нужно выметать свою. Между рыбами затеваются серьезные драки, идут в ход острые зубы. Победитель получает право на заветное место для устройства гнезда. Разрываются бугры, устроенные предшественниками, икру из них вымывает вода и сносит вниз по течению, где ее пожирают ленки и хариусы. Вместо нее откладывается новая, но надолго ли? За вторым косяком идет третий, на подходе четвертый, пятый... Так дно протоки перерывается за осень много раз.

В это время к реке устремляются черные вороны и белохвостые орланы, волки и лисицы, медведи и... двуногие браконьеры. Все намерены пожить розовой лососиной. И рыба, избегая опасности быть пойманной, пережидает день в черных глубоких омутах и лишь с наступлением сумерек продолжает свой путь вверх по реке и протокам.

Привлеченный обильной поживой, Мафа обосновался в прибрежном густом ельнике. День он провел на лежке, а когда солнце закатилось за зубчатую гряду далеких гор, отправился рыбачить к узкому мелководному входу в протоку. Сумерки делали его черную фигуру малозаметной, но взошедшая луна выдала мохнатого рыболова: сквозь слой воды рыба видела его и боялась подходить близко к берегу. Мафе пришлось укрыться в тени за кустом и выжидать. В глубине перед мелководьем постепенно скопилась довольно большая стая рыб. Вдруг несколько кетин с размаху выбросились на мель. С громким плеском, поднимая каскады брызг, трепеща всем телом, лососи переползали полосу протоки, где плыть они не могли. За первыми последовали еще несколько кетин. Двигались они так быстро, что Мафа, делая большие прыжки, едва успел догнать последнюю кетину и, оглушив ее ударом лапы, вынес в зубах на берег. Съев добычу, Мафа подождал подхода следующего косяка. Бросок—и крупная рыбина затрепыхалась в его зубах. Больше он в эту ночь рыбачить не стал: ужин был сытным.

Несколько дней ходил Мафа к облюбованному месту ночной рыбалки, протоптав вдоль берега торную тропу.

Ею воспользовались браконьеры, пришедшие днем половить рыбу. Почуя след человека на своей тропе, Мафа благоразумно покинул уловистое место и ушел к далекому перекату.

На широком открытом участке реки ловить рыбу было труднее и опаснее, но Мафа и тут приспособился. Посреди переката лежал тополь. Принесла его сюда большая вода. Запенившись корнями за выступы дна, он развернулся кроной вниз по течению, да так и обсох. Под нависшими корнями тополя и нашел укрытие Мафа. Стоя по шиколотку в воде, он ожидал, когда снова пойдет косяк. Лапы зябли в ледяной воде, но стоять пришлось недолго. Рыба пошла так густо, что медведь мог оглушить сразу двух кетин одним ударом. Сначала Мафа складывал улов около себя, но вода уносила полуживую рыбу в омут. Тогда он стал вытаскивать ее на берег.

Успешно порыбачив и насытившись, Мафа перетаскал остатки улова в укромное место и надежно укрыл его валежником и свежим лапником, который наломал зубами. Многих хищников и грызунов природа наделила инстинктом делать запас «про черный день». Не лишен был его и Мафа. Предчувствуя, что ход рыбы не вечен, он заготовил ее впрок.

Однообразная пища приелась. Мафе захотелось кислой клюквы и брусники. Набив оскомину, он вернулся к своей кладовой, но рыбы там не оказалось. Обнюхав вокруг следы, он узнал, что это волчий выводок похозяйничал в его отсутствие. Не проявив никакой досады по поводу грабежа, Мафа снова отправился на нерестилище.

По ночам стало основательно подмерзать, и хотя до зимы было еще далеко, на реке появились ледяные забереги. Запоздалые стаи кеты продолжали прибывать. Косяки очень сильно поредели, и ловить рыбу стало совсем трудно.

Выпала первая пороша, напомнив, что пора искать берлогу. Мафа направился к горному перевалу в истоках реки. Долго брел он. Глубина снега увеличивалась, но за перевалом снег лишь слегка прикрыл землю, и теперь Мафа не так уставал от ходьбы. По перелету кедровок в одном направлении он понял, что где-то на юге выдался отменный урожай орехов. Хорошо бы перед зимним сном полакомиться ими!

Глава 4

В охотничьей избешке

Охотовед Петр Реутов считал себя счастливым человеком, потому что, находясь по долгу службы среди первозданной природы, мог любоваться чистым небом, солнцем, наблюдать животных в естественной обстановке, общаться с бесхитростными, мудрыми промысловиками. Пять лет тому назад, окончив охотоведческий факультет, приехал он и поступил на работу в охотуправление. Поначалу он занялся учетом диких животных по следам. Вскоре, однако, убедился, что число зверей не может быть постоянным и зависит от урожая кормов. Так он пришел к выводу, что «кормить надо и дикого зверя».

Работа приносила ему радость, он слыл добрым хранителем природы. Стремясь всеми силами не только охранять ценных промысловых животных, но и приумножать их популяции, Реутов оставался страстным охотником. Многие дивились тому, как он мог соединять в себе любовь к животным с охотой на них. Не всякому дано было заглянуть в душу охотоведа и понять истоки такого единства. Да и сам Реутов лишь много лет спустя смог себе и другим дать исчерпывающее объяснение этому. Он понял, что охота не сводится только к убийству зверя или птицы. Это страсть, отдавшись которой человек познает высшую степень напряжения всех его духовных и физических сил, постигает высшую меру удовлетворения. Вот почему, когда наступал ноябрь и все охотники отправлялись на промысел, брал Реутов отпуск и уходил на самую любимую охоту — за медведями.

На реке Урми стояло его заветное зимовье. В него он направился и сегодня. Неоднократно ходил он по знакомой тропе в свою охотничью избешку и каждый раз словно впервые шел по ней: настолько менялась привычная картина заснеженного леса, горных ключей. Там, где раньше было много звериных следов, теперь землю покрывал чистый, нетронутый снег. А где простиралась снежная целина, виднелась толчея звериных следов. Ни один охотничий сезон не был похожим на прошлые. Загадочность леса возбуждала, волновала его охотничье сердце.

Потребовалось два дня на приведение в порядок из-

бушки. На третий Реутов отправился на разведку, а когда вернулся, застал в барачке знакомого пасечника из соседнего леспромхоза — Басаргина, пришедшего к нему поохотиться на пушного зверя. Реутов обрадовался старому пчеловоду, и потекли длинные зимние вечера в интересных беседах.

Басаргин протоптал тропы-путики в разные стороны от барачка, обозначив их затесками на деревьях. Расставил капканы и кулёмки на колонка и норку. Но больше всего он надеялся на добычу Реутова, охотившегося за крупным зверем: любят колонки посещать припрятанное мясо, вот тут-то, около него, и ловить их сподручнее. «Мясо сбережешь и пушнину добудешь!» — говорил пасечник.

Засветло обходил свои ловушки Басаргин. Возвращаясь в избушку раньше Реутова, растапливал железную печку, готовил ужин, поджидая своего друга. Обычно Петр приходил поздно, случалось и так, что ночевал у костра, на следу раненого зверя.

Давно сварилась похлебка из рябчика, а охотоведа все нет. Басаргин прилег на нары, вздремнул и тут же проснулся от скрипа снега под ногами возвратившегося охотника.

- Ну как, Кондратьич, заждался? У меня нынче фарт: сохатого завалил. Завтра пойдем закрывать от ворон. Капканы вокруг поставишь. Печенку принес, утром поджарим.

Поужинав, охотники улеглись на нарах. Возбужденный удачной охотой Реутов перебирал в памяти события минувшего дня:

— Сохатый с низины пошел в сопки. Два перехода мне попало. Один — корова с телком, второй — нетель, одиночка. В осинничке, что на закрайке Илового ключа, догнал. Завтра на вареве" ребрину принесем да мясо лучше укроем.

— Других следов не видал?

— По ключу норка бегала, в осиннике колонок, теперь ему там пожива. Попадался и медвежий след, очень старый. Видно, по первому снегу брел на берлогу, а может, бродячий какой — тогда, считай, пропало мое мясо.

Я раньше тоже любил хаживать на медведя. Уж знаю все его повадки. Мне так сдается, что он по звуку может определить: попала пуля в сохатого ай нет. Ум-

ная зверюга, вороний крик дюже хорошо понимает. Я нынешний год двух медведей возле пасеки добыл. И знаешь чего заметил? Ежели с пасеки отлучишься, а медведь поблизости, то непременно нашкодит. Выходит, соображает, что ему нечего бояться. Л как? Выходной след человека понимает. Так я, бывало, с пасеки пешком выйду и тут же вертаюсь на лошади верхом, да и поджидаю мохнатого гостя. Вот так и перехитрил двух зверей.

Долго шел разговор о медведях, пока усталость не сморила охотоведа и он не перестал отвечать на вопросы Басаргина.

Утром охотники направились к месту, где лежала лосиха. Пасечник прихватил четыре капкана. С топором и котелком он не расставался никогда, даже если уходил в лес на пару часов.

— Главное, когда идешь в зимний лес,— не забыть спички. Без огня на морозе - погибель. Еще нужны топор и котелок. Без ружья - можно, без топора и ножа — ни шагу. Когда все это с собой, бери ружье и патроны. В лесу, ежели сблудил, спасает не ружье, не компас, а огонь да горячая вода в котелке. Без еды несколько дней будешь жить, без костра и чая в одну ночь сгинешь,— поучал старый пасечник, пока они шли по тропе.

Вскоре ельник сменился светлым осинником. Кора молодых деревьев кое-где высоко обглодана лосями. Кормились они здесь недавно. Шедший впереди охотовед остановился:

— Медвежий след! Вроде только что пропорол. Вчера его не было.

Басаргин прошелся рядом со следом, внимательно рассматривая вмятины, оставленные на снегу широкими лапами грузного зверя.

— Крупный, лапотник,— заметил старик, - заднюю лапу выворачивает, видать, она повреждена. Уж не тот ли шатун, что у наших соболевщиков оленя задрал? Они же его тогда ранили. Выходит, слышал твои выстрелы, вот и пришел проверить, чего тут добыто.

— Возможно, но след идет не в ту сторону, где лежит сохатый,— возразил Реутов.

— Он теперь вокруг все истопчет.

Посоветовавшись, охотники решили идти напрямик к туше лося, не обращая внимания на следы. Чем ближе

они подходили к трофею Реутова, тем чаще попадались медвежьи следы, шедшие в разных направлениях. Настороженно озираясь по сторонам, охотники несли в руках оружие со взведенными курками. Медведь мог появиться в любое мгновение.

Вот осина с обломанной вершиной, под которой Реутов сложил мясо и накрыл его шкурой лосихи, но куда же все это делось?

— Вишь, как поработал, черная немочь,— прошептал Басаргин,— все перетасил и караулит теперь твое мясо. Осторожно подходить надо: он без боя не отдаст добычу.

Постояв в раздумье, охотники потихоньку продолжали идти по следам медведя. Следов было много, и у каждого свое направление. Так что определить, где находится шатун, было трудно.

Тем временем Мафа блаженствовал. Услышав удачный выстрел охотника, он быстро нашел неостывшее мясо лося, наелся до отвала, а затем принялся перепрятывать свою находку. Он понимал, что теперь его благополучие зависит от того, удастся ли ему сохранить этот богатый запас только для себя одного. Запутывая следы, Мафа растаскал куски по разным ключам. Два последних отнес к глухому косогору, густо поросшему пихтачом, завалил снегом и, наломав пихтовых веток, растянулся на них.

Весь день охотники распутывали следы. Вернулись в избушку ни с чем. После ужина, лежа на нарах, вели разговор.

— Может, мы его спугнули, и медведь ушел, и лосятина уплыла,— сокрушался Петр.

— Так-то он тебе и уйдет. Это бывалый шатун. Если бы мы к нему близко подошли, он сам себя выдал бы. Я, брат, в свое время от медведей немало бегал. И бивал их, и удирал от них, как мальчишка.

— Наговариваешь ты на себя, Кондратьич. Я ж ведь знаю, какой ты стрелок: белку в глаз бьешь, чтобы шкурку не портить,— меняя тему разговора, возразил Петр.

— Это все было. Сейчас и промахнуться могу. А медведя не то что в глаз, но месту стрелить труднее. Да и не поверю, будто есть охотники, что бьют всегда без промаха. В чашобе бывает, что пулю метко пустишь, а она сучокхватила — и рикошетом пошла. Травинка,

и та ход пули меняет, не то что сучок. Вот и получается -- целился хорошо, а не попал.

Реутов слушал старого пасечника с интересом. Его жизненный опыт, глубокое знание повадок зверей, их характеров вызвали уважение. Однако молодой охотовед недоумевал, почему этот прославленный охотник бросил промысел и стал пчеловодом. Петру казалось, что истинный охотник никогда не изменит своему родному делу. Уж он-то, во всяком случае, до конца дней своих останется верным охоте. Не раз в мыслях Петр представлял себе, как, став пенсионером, свободным от обязательной службы, подолгу будет жить в охотничьей избушке, предаваясь любимому занятию.

Словно подслушав эти мысли, Басаргин продолжал:

— В твои годы я не представлял себе жизнь без охоты. Бывало, в конце промысла, вернувшись домой, снова за ружье хватался, на весенний пролет за птицей утягивался. Зимой все сопки обегашь, весной — все протоки да озера на оморочке обшаришь. Два-три часика у костра прикорнешь, и опять бодрость приходит. И откуда сила бралась по целым дням бродить не евши. А вот как перевалило за шестьдесят, стал на ногу жаловаться. Глаза на сопку тянут, а ноги нейдут. Это еще полбеда, да вот взмокать стал. Пробежал по следу, глядь — а рубаха от пота мокрая, шапка, и та промокать стала. Л мокрому зимой в лесу, да ежели ветерок, — погибель. Все время у костров не насушишься. Вот и пришлось свою прыть поубавить. На пасеке устроился. И то вот, как сыпанет порошка, в лес без удержу тянет, хоть на недельку, а сходить хочется. И нынче не удержался. А как пошли, едва поспеваю за тобой. Нет, брат, охота хоть и стариковское дело, да сердца крепкого требует, ног гибких, а главное — сухим должен быть человек.

Сырые ясеневые дрова в жестяной печке прогорели. Реутов вышел из избушки и, поскрипывая снегом, набрал охапку поленьев, пахнувших свежей древесиной. Подложив их в печь, он погасил свечу и лег на нары. «Неужели и я доживу до того возраста, когда не будет сил продолжать охоту? Но ведь так часто охотников рисуют именно стариками», — думал он, сладко засыпая.

Луч луны, проникнув через оттаявшее оконце, упал на земляной пол избушки и осветил лесную мышь. Слов-

но тень, бесшумно скользила она по полу, подбирала хлебные крошки, упавшие со стола.

Реутову казалось, что он только сомкнул глаза и уже утро, надо идти на охоту. Приподнявшись на нарах, он оглянулся: Басаргина в избушке не было. Одевшись и набрав в кружку теплой воды, Петр толкнул забухшую дверь. Клубы пара с холодным воздухом наполнили избушку. Наскоро умывшись, он прихватил сухих поленьев и растопил печку. Вскоре послышался скрип снега. Это возвращался Басаргин, ходивший за рябчиками.

— Эта птица до восхода солнца кормиться начинает,— промолвил пасечник, кладя пару рябчиков на скамейку. Ободрав с рябчиков кожу с пером, он порезал их на куски и поставил варить суп.

Ну что, за медведем подадимся?

Сегодня мы его обязательно разыщем!— уверенно воскликнул Реутов.

— Найти не мудрено, добыть — дело форта.

Может, ты не хочешь идти? Так я один схожу, а ты кулемки проверь.

— Нет уж, пойду. Чудится мне, что медведь легко нам не дастся. Да и ты больно горяч, а зверь попался сурьезный. Торопиться не будем. Он теперь, мяса обожравшись, далеко не уйдет, — рассуждал Басаргин.

Была та очаровательная пора в утреннем зимнем лесу, когда жизнь проснулась давно, но воздух, не успевший еще прогреться под скупыми лучами солнца, не пришел в движение. Птицы и белки, утолив свой голод, притаились, наслаждаясь восходящим солнцем и тишиной заснеженного леса. Звериная тропа, по которой бесшумно скользили охотники, вилась вдоль лесного ключа. Вот и старые медвежьи следы. Басаргин предложил «обрезать» толчею следов: широким кругом обойти предполагаемое место лежки зверя.

Долго шли охотники. Они то карабкались по крутякам на сопки, то скатывались ключами в распадки с кочковатой болотистой почвой, не успевшей промерзнуть. Отдыхали на лишенных коры валежинах. Разговаривали мало и тихо. День начал клониться к вечеру, когда шедший впереди Басаргин остановился.

— Свежий,— прошептал он, указывая на видневшиеся в стороне широкие вмятины на снегу.

— Думаешь, он?

Лапищи его. Видишь, два раза но своему же следу пропорол. Теперь держи ухо востро.

Реутов вот-вот ожидал увидеть зверя, но тропа все глубже и глубже затягивала их в густые заросли молодого ельника. Впереди показалась поваленная ветром ель. Под ее вздыбленными к небу корнями темнело пятно. Долго рассматривали его охотники. Наконец Басаргин прошептал:

— Держи на мушке, а я подойду с другой стороны.

Сняв курок с предохранителя, Петр замер в ожидании, а старик начал осторожно обходить поваленное дерево, сужая круг. Заряженное ружье он нес в руках наготове. Вдруг грозный рев потряс настороженную тишину. Откуда-то посыпалась кухта, затрещали сучья, и огромный зверь, застигаемый облаком снежной пыли, ринулся навстречу Басаргину. Прогрохотало два выстрела, но бег зверя не замедлился. Реутов заметался, лихорадочно выбирая просветы между деревьями для прицельного выстрела. Он видел, как Басаргин исчез под навалившимся на него медведем. Петр не думал об опасности, только бы пулей не задеть товарища. После третьего его выстрела медведь рывкнул и скрылся в зарослях.

Подняв стонущего Басаргина и усадив его на валежину, охотовед трясущимися руками достал бинт, осмотрел раны. Особенно кровоточило бедро правой ноги. «Главное — остановить кровь», — мелькнула в голове Петра мысль.

— Дюже не перетягивай ногу бинтом, онемееет, идти не смогу, — попросил Басаргин, — да и не ночью, как отморожу.

Закончив перевязку, Реутов предложил немедля идти в избушку. Оба охотника понимали, что сгоряча боль от ран не так чувствительна, нужно торопиться. Только в зимовье можно будет обмыть и перебинтовать раны как следует, сменить белье. Там есть кое-какие лекарства. И хотя Басаргину хотелось испить горячего чая и посидеть у костра, они двинулись в путь.

Сперва пасечник шел быстро, легко прихрамывая, но с каждым километром шаг его тяжелел, он со стоном опирался на израненную ногу. Потом начал все чаще и чаще останавливаться. На валежинах, где он присаживался отдохнуть, темнели кровавые пятна.

Наступила ночь.

— Не дойду. Разведи костер. Чайку изопью — мо-

жет, силы прибавится,— простонал Басаргин, повалившись на снег.

Запылал огонь. Горячий чай согрел, но сил не прибавил. Боль в ноге усилилась до того, что идти Басаргин уже совсем не мог, но и оставаться у костра раненому человеку было нельзя.

— Крепись, Кондратьич, до зимовья донесу тебя на горбушке. Тут недалече осталось: потихоньку, с передыхом, часа за три дотянемся, а там не пропадешь.

И они доплелись до избушки. Перебинтовав старика, Петр растопил печь, приготовил обильный ужин, вскипятил чай. В его походной аптечке нашлось все необходимое для оказания первой помощи. Ночью Басаргин стонал, ворочался и лишь под утро заснул. Проснулся к обеду.

— Ну что, Кондратьич, как самочувствие?

— Все тело ноет, ладно хоть кости целы и жилы не порвал. Вишь, кровь течь перестала,— слабым голосом отвечал пасечник.

— Сегодня пробуду возле тебя, а завтра, если хуже тебе не будет, сбегая в село за помощью. В больницу тебя определить надо.

А виновник всего случившегося в это время уходил все дальше и дальше на юг от места встречи с охотниками. Добычу Реутова Мафа нашел после долгой голодовки, поэтому он так рьяно защищал ее от хозяев, полагая, что только ему одному принадлежит право владеть лосятиной. Испытав много бед от встреч с человеком, Мафа боялся его. Никогда не отважился бы он напасть на человека. И то, что он с ревом набросился на Басаргина и покусал его, не было проявлением агрессивности — Мафа хотел отпугнуть человека. Гром выстрелов и запах пороховой гари мгновенно охладили его воинственный пыл. Оставив Басаргина, Мафа скрылся в зарослях. Не промахнись тогда Реутов, все могло обернуться более трагично: раненый медведь отомстил бы своему обидчику и успел бы нанести ему смертельные удары.

День прошел в тревоге. Вечером Реутов наварил мяса, накипятил большой чайник чая со сгущенным молоком, наносил в избушку побольше сухих дров, воды. Прикорнув на несколько часов, он поднялся среди ночи, поставил еду и лекарства па нарах возле Басаргина и сказал:

— Лежи и жди меня. На день-два все у тебя под рукой. А я обернусь быстро. Сейчас луна светит, да и тропу мы набили, а как выйду на летние волока, и утро настанет. К вечеру в Березовку притопаю, а на следующий день — к тебе, на конях или на тракторе приеду.

Простившись с пострадавшим, Реутов ушел. Как он и обещал, к исходу следующего дня трактор, лязгая гусеницами, подошел к самой избушке охотников. Басаргин чувствовал себя лучше, но ему предстояло пролежать в больнице еще целый месяц, прежде чем он вернется на свою пасеку. Реутов несколько раз навещал друга в больнице и, когда его здоровье пошло на поправку, отправился в зимовье. Выпавший снег спрятал старые медвежьи следы, а новых появиться не могло. Остатков мяса Реутов так и не нашел.

Глава 5

Хозяин Малого Хингана

Делая короткие передышки, Мафа упорно шел на юг. Крутые сопки сменились пологими увалами. Гуше становились леса. Отлежавшись в затишном месте под елью, он брел по глубокому снегу. Крик ворон помог ему отыскать погибшего подранка изюбра. Колонки и эти вездесущие птицы съели лучшие куски туши, но Мафа был рад и тому, что осталось. Мошные медвежьи зубы дробили крупные кости оленя, перетирали крепкую кожу. Вскоре от быка остался один череп с рогами да острые копыта. Хорошо отдохнув, Мафа продолжил свой путь к югу. Он прошел более двухсот километров, прежде чем достиг вековых кедрочей. Снега в них было мало. Мягкая подстилка из сухой хвои позволяла делать теплые верховые берлоги.

Высокие темно-зеленые вершины лесных великанов были усыпаны крупными золотистыми шишками. Порывы ветра время от времени обрывали их, и они, падая на землю, зарывались в снег. Обилие пищи привлекало в кедрочах всех лесных животных. Мартовское солнце, пригрев пушистые кроны кедров, словно пробудило в них желание поскорее отряхнуть остатки богатого урожая со своих ветвей.

Мафа очень любил сладковатые маслянистые кедро-

вые орехи. Найдя шишку, он с нетерпением раздирал ее когтями и съедал орехи прямо со скорлупой.

Облюбовав старое кабанье тайно, натаскал к нему ворох падалицы, лег рядом и не торопясь разделялся с шишками и орехами. Настоящий «праздник сытого живота» наступил для Мафы. Праздник не омрачился появлением человека, поэтому медведь стал полновластным хозяином этих мест. Прежде всего он разогнал в округе всех кабанов, повадившихся ходить на облюбованный им увал. Затем дал трепку гималайскому медведю, пожаловавшему к нему непрошеным гостем. Только белки и бурундуки таскали шишки порой из-под самого носа хозяина. А еще по ночам можно было слышать непрерывное стрекотание: многочисленные полевки грызли с не меньшим аппетитом, чем дневные гурманы, орешки.

После долгой, затяжной весны с многодневными холодными дождями и заморозками как-то вдруг наступило жаркое лето. Выбирая прохладные тенистые горные ключи, Мафа засыпал под монотонный рокот торопливых струек прозрачной воды. Под вечер он выходил на лесные поляны в поисках корневищ дудника. Ворошил он и муравьиные кучи, по обыкновению внося полное смятение в жизнь шестиногих лесных тружеников. А уж с каким завидным упорством добирался он до самого заветного лакомства — меда диких пчел! Огромные отверстия не ленился он выгрызать в дуплистых деревьях, если обнаруживал запах пчелиных сот. Не прочь был разорить и осиное гнездо.

Природа, как никогда, щедро одарила на этот раз кормами своих лесных питомцев: после урожая кедровых орехов последовал обильный урожай лещины маньчжурской, желудей, черемухи, актинидии. Не было нужды подолгу бродить по лесу в поисках пищи: она ждала на каждом шагу. Мафа обленился, но это не отразилось на его осторожности и чуткости. Из грозного хищника он превратился в робкого вегетарианца, находящегося в постоянном страхе за свою безопасность. Даже лесные пасеки не привлекали его: след человека приводил его в трепет.

Каким забавным увальнем выглядел он теперь! Превратился в огромный шар на коротеньких ножках. Не только сам он, даже лапы его стали толстыми, их подушки распухли от жира. Когти не выпирали угрожающе и порой не оставляли отпечатка на следу.

Еще до наступления зимы он вырыл себе берлогу под корнями вековой липы, росшей на водоразделе лесных ключей. Время от времени Мафа посещал ее. А когда холодные ветры сорвали пожухлые листья с деревьев, залег невдалеке во временной верховой берлоге, сделанной из еловых ветвей и папоротника.

Стаял первый снег, за ним и второй, моросил и дождь вместо снега, но под густой пихтой, где лежал Мафа, было сухо. Случалось, что к нему близко подходили кабан или изюбр. Учувя своего врага, они в страхе бежали прочь, не зная, что он в данный момент им совсем не опасен. Фырканье и треск от панического бегства не тревожили чуткую дремоту многоопытного медведя. Время от времени он подкреплялся орехами и желудями. Теперь его тяготил не пустой, а переполненный пищей желудок.

Морозец сменился потеплением. Небо заволокли низкие тучи. Не дожидаясь обильного снегопада, Мафа залез в берлогу под липой, пятясь задом, улегся поудобнее и затих, выставив голову наружу.

Три дня длилась пурга. Пушистый снег тяжелой кухтой лег на ветви елей и кедров, пригибая их к земле. Присмирели лесные обитатели. У основания толстого ствола липы темным пятном зияло чело берлоги. Спусти много дней зимняя стужа заставила Мафу заткнуть ее изнутри большим пучком сухого вейника. Пороша притрусил «пробк\» снегом, и только несколько ветвей кустарника, склонившихся к земле, украсил густой, пушистый, сверкающий белизной иней: это теплый, влажный от дыхания Мафы воздух тонкой струйкой выходил из берлоги, и мороз тут же превращал влагу в тончайшие кристаллики льда.

По отрогам Малого Хингана шла полным ходом весна. Беспреданно шуршали листьями сновавшие бурундуки, возбужденно урчали и цокали белки, резвившиеся целыми компаниями, по стволам деревьев скользили поползны, издавая тонкий свист. Яркое мартовское солнце в полдень припекало уже основательно, морозы пошли на убыль.

Мафа не торопился покидать берлогу. Уж так заведено в медвежьем роду: зажил хорошо с осени — отправляйся на покой пораньше, и весной нет тебе надобности спешить с пробуждением. И если бы не вода, просочившаяся в берлогу от таявшего снега, Мафа про-

должал бы нежиться: ведь голод не мучил. Сырость заставила выбраться наружу.

Дремотное состояние еще не покинуло его. Побродив по лесу, он наелся зеленой осоки, повалился на оттаявшей земле, послушал перестук дятлов и снова задремал, забравшись под густой еловый лапник. Пролежав так несколько дней, Мафа окончательно проснулся и прежде всего направился в кедрач. За целый день поисков пищи ему посчастливилось найти только две шишки и несколько желудей.

Пока он лежал в берлоге, большой табун кабанов долго пасся в его угодьях, добросовестно подобрав из-под снега все шишки. Старая свинья, бывшая вожаком, и не подозревала, какой опасности она подвергает себя, хозяйничая в кедраче. Разыгравшийся после прогулки и скудного завтрака медвежий аппетит утолить было нечем. Бредя по лесу, Мафа уловил запах диких свиней. Вскоре послышался и невнятный шумдвигающегося табуна. В медведе проснулся инстинкт хищника: спрятавшись за поваленным деревом, он стал терпеливо поджидать. Легкая струя воздуха тянула от кабанов к медведю, поэтому старая свинья, шедшая впереди разбросанного по лесу стада, не почуяла медведя и спокойно подошла почти вплотную к нему. Вдруг, увидев его, она круто повернула, пышкнула во все горло и стремглав понеслась под косогор. Невероятная резвость не спасла обреченную: Мафа в несколько прыжков настиг ее и опустил на спину тяжелую лапу. Удар был так силен, что сместились позвонки и свинья поползла, волоча задние ноги. Умертвив ее, Мафа тут же проглотил добрый кусок жирной свинины, напился из ключа и разлегся недалеко от своей добычи. На третий день аппетит снова вернулся к нему, и он основательно пообедал половиной свиного окорока. Жирное мясо вызывало жажду. Между лежкой медведя и ключом обозначилась тропинка. Мафа, конечно же, постарался скрыть свою добычу, завалив ее лапником. Но воронам удалось проведать о ней, и, не пугаясь близкого соседства медведя, они тоже лакомились мясом, не забывая при этом ругать его за жадность во все горло. Их крики услышал живший неподалеку старый бурый медведь.

Осторожно подходил он к чужой добыче, но все же Мафа заметил непрошеного гостя издали и с грозным ревом угнал его прочь. Но бурый медведь не ушел да-

леко. Преклонный возраст или болезненное состояние не позволяли ему охотиться самостоятельно, поэтому через несколько дней Бурый снова приблизился к Мафе. За это время Мафа успел так сильно поубавить запасы свинины, что от них остались кости да шкура с головой. Поэтому при появлении нахлебника Мафа ограничился ворчанием и пристальным разглядыванием пришельца, стоявшего в просительной позе на значительном расстоянии. Был он ростом ниже Мафы.

Худобу тела скрывала довольно пушистая длинная шерсть темно-бурого цвета, как у серебристо-черной лисицы. Он не дерзал смотреть прямо на Мафу и готов был обратиться в бегство при малейшем проявлении гнева хозяина. Но на Мафу нашло благодушие. С его молчаливого согласия Бурый подошел к остаткам свиньи. С жадной торопливостью он начал доедать то, что осталось от обеденного стола Мафы. Наевшись, Бурый спустился в ключ, улегся на мягкой моховой подстилке, облизался и чутко задремал.

С той поры куда бы ни направлялся по своим делам Мафа, за ним бесшумной тенью скользил Бурый, стараясь издали определить курс его движения, а когда терял из виду могучего собрата, отыскивал его след. По природе, свойственной всем медведям, Мафа был отшельником, и постоянная близость Бурого иногда сильно раздражала его. Мафа пробовал отогнать захребетника, угрожая задать ему трепку, но старый медведь принимал в этой ситуации такой смиренный вид, так почтительно и низко опускал голову, что гнев Мафы угасал. К тому же спустя некоторое время Мафа понял выгоду совместной охоты, что сблизило медведей.

Однажды, пробираясь по дубово-пихтовым зарослям, Мафа почуял секача. Кабан разрывал кладовую бурундука и так увлекся, что совсем близко подпустил медведя, едва не угодив в его лапы. Выскочив из рытвины, он молнией метнулся по косогору, треща валежником. Мафа не стал его преследовать, но Бурый кинулся вдогонку. Клинообразное тело секача, легко пронзая густые заросли орешника, беспрепятственно утюжило чашу. Медведь же, с трудом преодолевая заросли, начал отставать. Однако быстрый бег скоро утомил кабана. Запыхавшись, он остановился и прижался к корням вывороченного кедра, готовясь отчаянно сопротивляться. Подоспевший Бурый не отважился с ходу ри-

нуться на секача, потому что уже как-то испытал на себе остроту кабаньих клыков. Он начал кружить вокруг кабана, норовя схватить сзади. По тот мгновенно разворачивался и бросался в контратаку на своего преследователя, вынуждая его защищаться. Долго бы длилась эта борьба, не подоспей Мафа. Улучив момент, когда секач кинулся на Бурого, Мафа нанес ему такой страшный удар передней лапой, что кабан перевернулся вверх брюхом, издав пронзительный визг. Клыки Мафы сомкнулись на его горле. Охота была окончена. Отдохнув на своей добыче, Мафа приступил к трапезе. Утолив голод, он позволил и Бурому насытиться. В течение нескольких дней пировали они по очереди у кабаньей туши, пока от нее не остался голый череп.

Наступила пора летних муссонных дождей. Вышли из берегов ключи и лесные реки, почва, напившись водой, превратилась в сплошное болото. Не уродились ягоды, не было на деревьях завязей орехов и желудей. Отдыхал от плодonoшения кедр. Предвидя голодную осень, табуны кабанов уходили на закрайки тайги, в далекие горные края. За ними откочевали гималайские медведи. Пусто стало на Малом Хингане, редко встречался звериный след. В беспрестанном малоуспешном поиске привычных кормов бродили по своим родным лесам медведи-шатуны, злые от голода, опасные для человека. Избегая друг друга, они охотились в одиночку. И только Бурый по-прежнему не расставался с Мафой. Помогая друг другу, они успешно охотились вдвоем даже на старых секачей-одиночек, отмечая места своих набегов кабаньими черепами, никогда не разгрызая их из боязни поломать зубы.

Немало толков и удивлений вызывало это необычайно редкое содружество двух медведей-хищников у охотников, которые узнали о нем по следам.

Глава 6

Встреча с владыкой джунглей

За многие годы жизни на Малом Хингане Мафа обошел всю эту горную цепь — от южных дубрав до се-

верных угрюмых хвойных лесов, и нигде не встретился со зверем, решившимся напасть на него. Даже охотник, неожиданно столкнувшись с властелином тайги в глухих дебрях, боязливо замирал на месте, пораженный величиной зверя, а опомнившись, не пытался преследовать Мафу. И лишь владыка джунглей бросил вызов хозяйну тайги.

На Малый Хинган тигры заходили редко. Встречая их следы, Мафа не испытывал страха и спокойно расхаживал по ним. Однажды, выйдя на след тигра, Мафа понял, что амбу интересуется только что прошедший кабан. В медведе заговорила ревность хищника, и он последовал за тигром. Вскоре на их следы вышли два волка. Все хищники шли за одной жертвой, но лишь два из них были уверены, что она будет принадлежать им, другие надеялись поживиться остатками с «царского» стола.

Как же было не удивиться Реутову, рассматривавшему на снегу отпечатки лап четырех хищников! «Бедный секач,— подумал охотник, пасется, наверное, спокойно на хвощах и не подозревает, что окажется сейчас в лапах тигра. А что же будет потом? Надо посмотреть и самому убедиться»,— и Реутов прибавил шаг, догоняя четвероногих охотников.

В пихтовом заболоченном редколесье рос в изобилии хвощ. Его зеленые побеги, пробиваясь сквозь неглубокий снег, привлекали кабанов. В годы неурожая желудей и орехов они, спасаясь от голодной смерти, всю зиму паслись на хвощах.

Хрустя сочными стеблями, секач медленно двигался среди кустов бересклета. Тигр заметил его издали и, зайдя против ветра, начал бесшумно подкрадываться. Когда кабан поднимал голову, тигр припадал к земле, замирал, жадно следя золотистыми глазами за каждым его движением.

Совершенно не чуя опасности, кабан развернулся рылом в сторону затаившегося тигра и сделал несколько шагов ему навстречу. Сильным толчком задних лап поднял тигр свое тело в воздух. Не успел он опустить лапы на землю для второго прыжка, как испуганный насмерть кабан, громко пышкнув, стремглав кинулся прочь. По было поздно: еще прыжок — и тигриные лапы вцепились в его бока. Удерживая когтями вырывающегося кабана, тигр несколькими ударами клыков умерт-

вил его. Полежав некоторое время на своей жертве, амба приступил к обеду. Насытившись, он разыскал поблизости кабанье гайно, улегся на нем. Теперь у него были теплая постель и добрый запас пищи. Но спокойствие владыки джунглей нарушил медведь.

Еще издали услышал Мафа предсмертный крик кабана. Звук этот подействовал на него возбуждающе, Мафа пошел быстрее. Легкий шелест заставил подняться тигра, осмотреться. Увидев мелькающий в чаще темный силуэт, амба начал обходить его широким полукругом, пока не вышел на след Мафы.

Тигру не раз доводилось сталкиваться с медведями. На гималайских он охотился, их мясо поедал с удовольствием. Случалось нападать и на бурых медвежат, но крупных медведей он избегал.

Осторожно крался тигр за Мафой, стараясь получше разглядеть его. А медведю, почуявшему запах кабаньей крови, надо было разобраться в обстановке. Идти дальше было опасно. Мафа замер на месте. Каждый зверь норовит первым увидеть своего противника. Но как ни всматривался в чашу медведь, как ни прислушивался к шелесту синиц в березовой кроне, принюхивался — обнаружить затаившегося тигра ему не удавалось. Ветерок доносил аппетитный запах мяса, и Мафа начал осторожно подходить к нему. А сзади по его же следу бесшумно подползал тигр. Расстояние между зверями сократилось до того критического предела, с которого тигр обычно набрасывается на свою жертву. Приподнявшись на передних лапах, амба хорошо разглядел Мафу. Огромный медведь явно был ему не по зубам. Но какой хищник уступит свою добычу другому без боя!

С грозным рыком бросился тигр на Мафу и тут же остановился: медведь не двигался с места, не проявлял страха. Всплыв на задние лапы, черный косматый великан с удивлением рассматривал внезапно появившегося тигра, словно прикидывая, как ловчее вцепиться в него. В нерешительности стояли друг против друга два лесных великана: хозяин тайги и владыка джунглей. Первым не выдержал тигр, прыгнул на медведя. Любому зверю несдобровать от тигриных клыков: они страшнее медвежьих, но амбе не удалось вонзить их в противника. Мгновенный удар передней лапы отшвырнул тигра в сторону. Осмелевший Мафа было ринулся на

поверженного тигра, но тот выскользнул из объятий, разорвав Мафе когтями ухо.

Природа не терпит бессмысленных смертельных схваток между крупными хищниками и потому наделила их инстинктом сдержанности. Обмениваясь угрожающим ревом, тигр и медведь начали расходиться. Лмба скрылся в зарослях ельника, а Мафа остался на месте схватки, полновластным хозяином добычи тигра.

В тот день Реутов так и не дошел до места встречи тигра с медведем. Вернувшись в зимовье, он вынужден был отвлечься на другие дела. Лишь на пятый день он смог продолжить свои наблюдения. Следы вели его то светлыми, хорошо просматриваемыми лиственничниками, то терялись в густых темных пихтачах, выводили на пологие увалы с редкими толстыми, как башня, стволами старых кедров и лип. Ему приходилось карабкаться крутяками на вершины сопок, спускаться в глухие ключи, куда не проникало солнце. Утомившись, он отдыхал на валежинах, смахнув с них снег. Зимнее солнце, едва поднявшись над грядой сопок, торопилось спрятаться за ними.

Реутов решил переночевать на следах. Подыскав сухой кедр, развел неподалеку костер. Набив котелок снегом, повесил его над огнем. А когда снег растаял, сварил в горьковатой воде любимую гречневую кашу на ужин. Медленно угасает день в зимнем лесу. Вот и закатилось солнце, но долго в небе будет гореть расплавленным золотом вечерняя заря. Пройдет целый час, прежде чем деревья станут растворяться в ночных сумерках. Когда ночь вступила в свои права и на небе зажглись крупные, ярко мерцающие звезды, которые бывают только в лесистых горах, Реутов поджег на корню сухой кедр.

Человек не устает часами смотреть на огонь. Кедр же горел, как гигантский факел. Огонь с гулом охватил весь его ствол, потрескивали мелкие сучья. От излучающегося тепла снег растаял вокруг, образовав круглую поляну диаметром в двадцать метров. Как зачарованный смотрел Реутов на столб пламени. Летом такой огонь вызвал бы лесной пожар, но зимой снег не давал распространяться пламени. Лишь к полночи подгоревший кедр стал покряхтывать, потрескивать и, наконец, рухнул на землю, подняв тучу искр, пепла и дыма. Стаскав обломки вершины в один огромный костер, Реу-

тов примостился на коре возле него с желанием заснуть, но сон бежал прочь. На ум шли нерешенные дела в его охотничьем хозяйстве. Ему приходилось определять численность тех или иных зверей. Следы он читал бегло, но иногда затруднялся определить, насколько они свежи и кому принадлежат — самцу или самке. Выходило, что по следам не всегда точно определялось количество животных, да и прогнозов роста или уменьшения численности по таким сведениям невозможно было составить. Численность соболя возросла на Малом Хингане, в этом он не сомневался, а вот тигров, по его мнению, стало меньше. Эту точку зрения не поддерживали его коллеги, замечая, что тигры стали чаще появляться вблизи поселков. Неужели для них не было очевидным, что происходит это не от увеличения количества тигров, а от того, что лесорубы вытесняют их с привычных мест?

«Большие следы,— думал Реутов, переключаясь на события минувшего дня, - уж не амгунский ли это лапотник бродит здесь?» Чуткая дремота овладела им. Еще созвездие Ориона ярко горело на южной половине неба, когда мороз разбудил охотоведа. Подшевелив угасающий костер, он согрел чай, позавтракал и, дождавшись рассвета, зашагал по следам.

Долго шел Реутов, прежде чем услышал крик ворон. Теперь нужно было двигаться предельно осмотрительно. Скинув с плеча карабин, он оглядел прицельную рамку и мушку, сняв курок с предохранителя, и, положив его на левую полусогнутую руку, осторожно направился к тому месту, где галдели вороны. Вскоре следы разошлись. Сначала волки ушли в сторону. Дальше пошла беспорядочная толчея следов, но в них Реутов разобрался. «Значит, победа осталась за медведем,— подумал он,— косилапый доедал добычу тигра. За тигром идти бесполезно, а медведь, видимо, недалеко ушел»,— мысленно рассуждал Реутов, направившись по следу медведя.

Мафа, завладев кабаном, поглощал его не торопясь. Спал он в густом пихтаче, жажду утолял снегом. Справившись с тушей, он не покидал благодатного места.

Заслыша легкий скрип снега под ногами Реутова, Мафа насторожился. Может, это вернулся тигр? Или разыскал его по крику ворон Бурый, с которым он давно расстался? Ветерок относил потревоживший медве-

дя звук, а пойти ему навстречу, обойдя по ветру, Мафа ленился: уверенность в своей силе и непобедимости притупляла чувство опасности.

Войдя в пихтач, где лежал рыхлый снег, Реутов передвигался бесшумно. Зорко всматриваясь в просветы между деревьями и не замечая лежащего медведя, он подошел к нему так близко, что Мафа уловил запах человека раньше, чем услышал его, и быстро поднялся на лапы.

Словно из земли всплыла перед охотоведом огромная черная фигура зверя. Реутов ожидал встречи с медведем, но, столкнувшись в полумраке пихтача с таким гигантом, он оцепенел. Забыв о карабине в руках, он рассматривал Мафу с таким изумлением, как будто перед ним был не обычный, а пещерный медведь. «Какая громадина! Да разве повалит крохотная пулька такого исполина!»— подумал он.

Неподвижность человека, немигающий прямой взгляд, выражающий крепость духа, были восприняты Мафой как вызов уверенного в своей силе противника. Мафа не принял этого вызова. С шумом выдохнув из могучей груди воздух, он развернулся и неторопливо скрылся за пихтовым лапником.

Долго не сходил с места Реутов. Не было сожаления, что упустил он свое охотничье счастье. Не мог он застрелить стоявшего только что в нескольких шагах медведя, спокойно глядевшего на него маленькими удивленными глазами. И не потому, что потерял уверенность в надежности своего оружия. Неведомая сила зачаровала его охотничье сердце. С восторгом любовался он изумительным творением природы. Мощь, красота и грозное величие крупного хищника воспринимались здесь, в древнем сосновом бору, как диво дивное, и в то же время — как проявление естественного, живого дыхания этого задумчивого бора. Удивительное сочетание лиричности, разлитой среди вековых сосен, и мощного всплеска потрясающей жизненной силы.

СОДЕРЖАНИЕ

Медведь в жизни человека. <i>Вместо предисловия.</i>	3
СТО ВСТРЕЧ С МЕДВЕДЯМИ. <i>Очерк.</i>	7
ХОЗЯИН МАЛОГО ХИНГАНА. <i>Повесть.</i>	25
<i>Глава 1.</i> Мафа.	25
<i>Глава 2.</i> Знакомство с человеком.	32
<i>Глава 3.</i> Мохнатый рыболов	37
<i>Глава 4.</i> В охотничьей избушке.	43
<i>Глава 5.</i> Хозяин Малого Хингана.	51
<i>Глава 6.</i> Встреча с владыкой джунглей.	56